

ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ленинград. В фрезерной мастерской технического училища № 1.

Фото Н. Ананьева.

На первой странице обложки: В совхозе «Золотое поле», Крымской области. Дочь работника совхоза Надя Котова.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Москва. Кремлевский сквер. Вдали — высотное здание на Котельнической набережной.

Фото Г. Петрусова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 44 (1481) 30 ОКТЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Счастливой жизни!

Переезд на новую квартиру... В канун 38-й годовщины Великого Октября это радостное событие происходит во многих семьях советских тружеников. Да и не только перед праздником, круглый год в городах, поселках, деревнях справляется новоселье.

Миллион квадратных метров новой жилой площади должны получить в этом году москвичи, сотни тысяч квадратных метров — новоселы целинных земель. Шестьсот благоустроенных домов заселены жителями молодого города Новая Каховка.

Ярким свидетельством заботы о быте советских людей могут служить такие цифры: около двухсот двадцати миллионов квадратных метров жилой площади выстроено в городах и рабочих поселках, около четырех с половиной миллионов домов в селах лишь за последние девять лет.

На нашем снимке: семья рабочего Московского машиностроительного завода В. Ф. Маркина. Вместе со многими рабочими этого завода он переехал в этом году в большой благоустроенный дом на Петровско-Разумовском проезде. Глава семьи пришел с работы, и вот он в домашнем кругу, с женой и детьми...

Пожелаем этой семье, как и всем новоселам, счастливой жизни!

Фото С. Фридлянда и С. Раскина.

Прибытие Премьер-Министра Бирманского Союза У Ну в Москву. На снимке: Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и У Ну на Центральном аэродроме.
Фото Дм. Бальтерманца.

ВИЗИТ ДОБРОЙ ВОЛИ

В Советский Союз с визитом доброй воли прибыл выдающийся государственный и политический деятель Бирмы — Премьер-Министр Бирманского Союза У Ну. Первым советским городом, встретившим У Ну, была столица Узбекистана: путь из Рангуна в Москву лежал через Дели, Кабул, Ташкент.

21 октября У Ну и сопровождающих его лиц встречала Москва. Москвичи горячо приветствовали представителей бирманского государства.

— Добро пожаловать! — говорят советские люди Премьер-Министру Бирманского Союза У Ну.

В Ташкенте, где У Ну останавливался по пути в Москву, он посетил текстильный комбинат имени И. В. Сталина. На снимке: У Ну в цехе готовой продукции. →
Фото Г. Графкина и М. Пенсона.

↑ На приеме у Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина в честь Премьер-Министра Бирманского Союза У Ну.

Вечером 23 октября Премьер-Министр У Ну посетил патриарха Московского и Всея Руси Алексия.

↓ Премьер-Министр Бирманского Союза У Ну и сопровождающие его лица посетили Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. На снимке: в Павильоне механизации и электрификации сельского хозяйства.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Член Президиума ЦК КПСС и первый заместитель Председателя Совета Министров СССР тов. А. И. Микоян по приглашению Югославского правительства провел часть своего отпуска в этом году в Югославии. На снимке: тов. Тито и тов. Микоян здороваются при встрече в Югославии.

Преображенный край

В среднем течении Волги, на левом берегу великой реки, раскинулись просторы Марийской автономной советской социалистической республики. Прошло 35 лет со дня образования Марийской автономной области, которая в 1936 году была преобразована в автономную республику. Сколько больших, знаменательных перемен произошло здесь за годы Советской власти! В крае, имевшем до Октября лишь несколько лесопильных, кожевенных и стекольных заводов, возникли металлообрабатывающая, полиграфическая, бумажная, льнообрабатывающая и другие отрасли промышленности. И сейчас, куда ни взглянешь,— всюду увидишь продолжающуюся стройку. Хорошеет столица республики — город Йошкар-Ола. Не узнать теперь бывшего Царевококшайска. Окраины города застраиваются новыми жилыми домами и предприятиями. В заводском поселке возведены просторные многоквартирные дома, коммунальные предприятия, детские ясли. Недавно столица получила новый вокзал.

Перемены видны всюду: и в столице, и в районных центрах, и в селах. Если вы попадете в один только район—Горно-Марийский, то вам расскажут, что здесь в пятой пятилетке открыто 33 клуба, избы-читальни, библиотеки. Всего в этом районе около ста культурно-просветительных учреждений — гораздо больше, чем было на всей нынешней территории республики до 1917 года!

О росте республики ярче многих других фактов говорят цифры. С 1913 по 1952 год валовая продукция всей крупной промышленности республики выросла более чем в 33 раза, деревообрабатывающей — в 30 раз, пищевой — более чем в 116 раз, а лесопильной — более чем в 273 раза.

Славные итоги! А впереди — новые дела, новые победы в братской семье народов Советского Союза.

В. ВЛАДИМИРОВ

У друзей

Члены делегации Верховного Совета СССР на одной из улиц города Пльзеня.

Национальное собрание Чехословацкой Республики пригласило к себе в страну делегацию Верховного Совета СССР. 10 октября советская делегация во главе с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР М. П. Тарасовым прибыла в Чехословакию.

В десятках городов и сел побывали члены делегации. Они знакомились с сельским хозяйством, посетили прекрасно оснащенные промышленные предприятия страны. И всюду гостей из Советского Союза принимали как искренних друзей.

Большие перемены

До Великого Октября Удмуртия была одной из самых глухих и отсталых национальных окраин России и служила местом ссылки. Промышленности почти не было. В деревне редкостью являлся плуг.

Сегодняшняя Удмуртия — расцветающая автономная республика нашей великой страны, с развитой промышленностью и механизированным сельским хозяйством. Только в годы первой пятилетки в строй вступило более 200 промышленных предприятий. На пустырях, в непроходимых лесах выросли новые заводы металлообрабатывающей и лесообрабатывающей промышленности, оснащенные современной техникой.

Ижевск — столица Удмуртии — родина отечественного мотоциклостроения. Ижевские мотоциклы сейчас можно встретить не только в нашей стране, но и за рубежом. Промышленная продукция Удмуртии так разнообразна, что для ее перечисления потребовался бы солидный список.

В Ижевске будут построены швейная, макаронная и мебельная фабрики, хлебозавод, мясокомбинат. Реконструируются сарапульские швейная и обувная фабрики и глазовская мебельная фабрика.

На севере Удмуртии берет свое начало река Кама. От истока она течет маленьким ручейком, уходя на север с тем, чтобы потом вернуться в пределы республики в юго-восточной ее части уже многоводной рекой. В Удмуртии, у города Воткинска, стремительные воды Камы в ближайшие годы будут преграждены железобетонной плотиной: строительство Воткинской гидроэлектростанции идет полным ходом.

А сколько удивительных перемен в судьбах людей! Разве могла удмуртская девушка Александра Перевощикова в условиях царского самодержавия мечтать о высшем образовании? А сейчас Александра Перевощикова — доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой Ижевского медицинского института, депутат и член Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР. Ее муж, Петр Перевощиков,— кандидат филологических наук. Их старшая дочь работает в Москве, она научный сотрудник института педиатрии, сын — инженер-энергетик, младшая дочь — студентка медицинского института.

К знаменательной дате — 35-летию со дня образования Удмуртской автономной области, преобразованной в 1934 году в автономную республику,— Удмуртия пришла с новыми большими успехами.

А. ПИСАРЕВ,
Д. КАЗАНЦЕВ

Новые жилые дома на Пушкинской улице в Ижевске.
Фото П. Катаева.

Есть каховский ток!

Днепровская вода вращает первую турбину Каховской ГЭС. На год раньше срока зажглись огни второго гидроузла на Днепре. В вахтенном журнале появилась знаменательная историческая запись: «Агрегат № 1 Каховской ГЭС включен в систему «Днепроэнерго» под нагрузкой 18 октября в 14 часов 40 минут».

На снимке: митинг в честь пуска первого агрегата.

Фото А. Красовского (ТАСС).

Мотоциклы готовы к отправке.
Фото Г. Авраменко.

В старом УРАЛЬСКОМ ГОРОДЕ

Мы идем по сохранившимся еще во многих местах дощатым тротуарам мимо старых двухэтажных зданий, которыми застроена значительная часть города. Когда-то это были «доходные дома» — основной источник наживы ирбитских домовладельцев. Лавки и квартиры сдавались внаем приезжим купцам на ярмарочный месяц, а остальное время года пустовали. На одиннадцать месяцев закрывались магазины, рестораны и даже бани.

В течение многих десятилетий Ирбит был широко известен своей знаменитой ярмаркой, куда съезжался разный торговый люд. «В обычное же время это небольшой город (до 10 тысяч населения) и не отличается развитием ни ремесленной, ни фабричной, ни торговой деятельности...» Так рассказывает об Ирбите путеводитель «Урал», изданный в 1917 году.

Сейчас бывшие «доходные дома» пестрят вывесками ночного санатория, Дома пионеров, городской библиотеки, краеведческого музея, техникума, педучилища, детской музыкальной школы...

...Из ворот мощный трактор вытягивает длинную вереницу повозок на резиновом ходу. Здесь расположен один из крупнейших в стране автоприцепных заводов.

Леонид Лешков, самый молодой гонщик Ирбита, в этом году завоевал первенство РСФСР по мотоспорту среди юношей.

Еще утром на ирбитском вокзале мы с интересом наблюдали погрузку автоприцепов. Их грузили на платформы специальными кранами в два яруса. Эшелон уходил в Казахстан на целинные земли. В этом году в новые совхозы Казахстана и Алтая отправлено более двух тысяч ирбитских автоприцепов.

Современный Ирбит — промышленный город с многочисленными предприятиями. Здесь имеется комбинат строительных материалов, продукцию которого знают на строительстве Куйбышевской, Камской, Сталинградской ГЭС и даже в Монголии.

Стекольный завод известен не только производством добротного оконного стекла и различных зеркал, но и сталинитом — стеклом особой прочности.

Начальник ОТК завода Сергей Васильевич Арсеньев продемонстрировал нам качество этой продукции весьма своеобразно. Он поставил на некотором удалении друг от друга две табуретки, соединил их узкой пластинкой сталинита, прочно уселся на нее, а затем стал на стекло во весь рост. Сталинит легко выдержал такую нагрузку.

— А ведь во мне почти восемьдесят килограммов!

Мотоциклетный завод Ирбита сравнительно молод, ему нет еще и 15 лет. Он выпускает машины различных марок для населения и моторы для народного хозяйства. На специальном стенде выставлены образцы мотоциклов: массивный «М-72» с открытой коляской, пользующийся наибольшим спросом, спортивные машины, на которых не раз устанавливались рекорды. Рядом последняя модель — «М-52». Она только что прошла гарантийный срок испытаний — 15 тысяч километров — и показала хорошие эксплуатационные качества.

В отличие от старой серийной машины новая «М-52» снабжена двигателем с верхним расположением клапанов. Рабочий объем его — 500 кубических сантиметров, а мощность увеличена на 6 лошадиных сил. Новый мотоцикл на 45 килограммов легче старого, почти вдвое меньше расходует горючего и развивает скорость до 115 километров в час.

Неутомима творческая мысль ирбитских мотоциклостроителей. В тесном содружестве с конструкторами они создали малолитражный автомобиль, использовав основные узлы мотоцикла «М-72». Машина рассчитана на четырех пассажиров, но в ней может разместиться и пять человек. Спинки сидений откидные, их легко превратить в спальные места. Новую машину решили назвать «Белкой».

— По весу это будет, пожалуй, самая легкая пятиместная машина, — говорит заместитель главного конструктора завода Федор Александрович Реппих.— Она вдвое легче «Москвича» последней модели и расходует не более шести литров горючего на сто километров.

Шофер-испытатель Владимир Колосов, «экзаменовавший» машину, с похвалой сказал, как она легко берет крутой 30-градусный подъем, как быстро набирает скорость, легко разворачивается, и заключил: «Одним словом, резва, как белка...»

Уже сделаны модели «Белки»-фургона. Разработана конструкция «Белки» для инвалидов, в которой все управление сосредоточено на руле, а тормоза устроены в виде подлокотников. Скоро будет готов вариант «Белки» для работников сельского хозяйства: агрономов, бригадиров, председателей колхозов. Эта машина обладает повышенной проходимостью и даже может держаться на воде. С помощью весел ее можно быстро переправить через водную преграду.

Про Ирбит справедливо говорят, что это город мотоциклов. Более восьмисот семейств имеют здесь собственные мотоциклы, а водительские права — каждый пятый взрослый житель. В одном из лучших зданий расположен мотоциклетный техникум — единственный в стране. Формовщица Анна Петрова, токарь Геннадий Коновалов, табельщица Полина Дегтярева и десятки других рабочих мотозавода окончили техникум без отрыва от производства и стали квалифицированными специалистами.

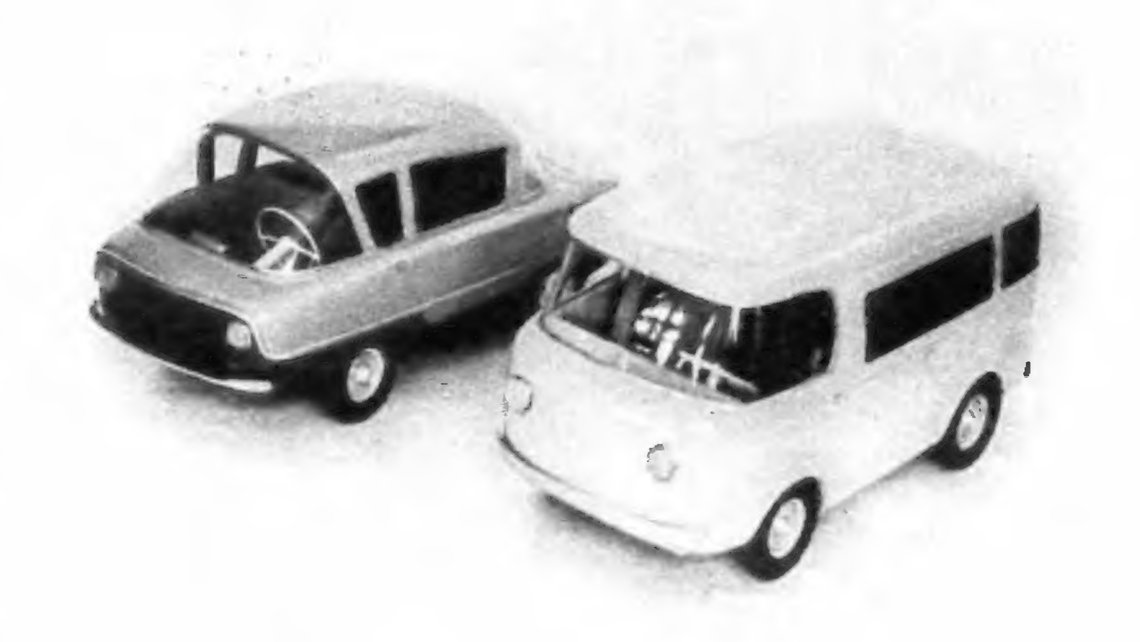
Очень популярен в городе мотоциклетный спорт. Многие ирбитчане состоят членами городского мотоклуба; на мотогонки, часто устраиваемые на ипподроме и в окрестностях города, собирается почти все население. И не случайно именно в Ирбите выращены кадры замечательных спортсменов-мотогонщиков, пользующихся всесоюзной известностью.

Слесарь-механик Борис Папулов и электросварщик Анатолий Хомутов на мотогонках 1954 года завоевали большие золотые медали чемпионов СССР. Не раз приходили первыми к финишу контролеры ОТК Генрих Вартанян и Александр Лукоянов со своими колясочниками Виктором Каржавиным и Николаем Сачковым. В прошлом году Вартанян и Каржавин завоевали личное первенство на международной товарищеской встрече, в которой участвовали спортсмены СССР и стран народной демократии.

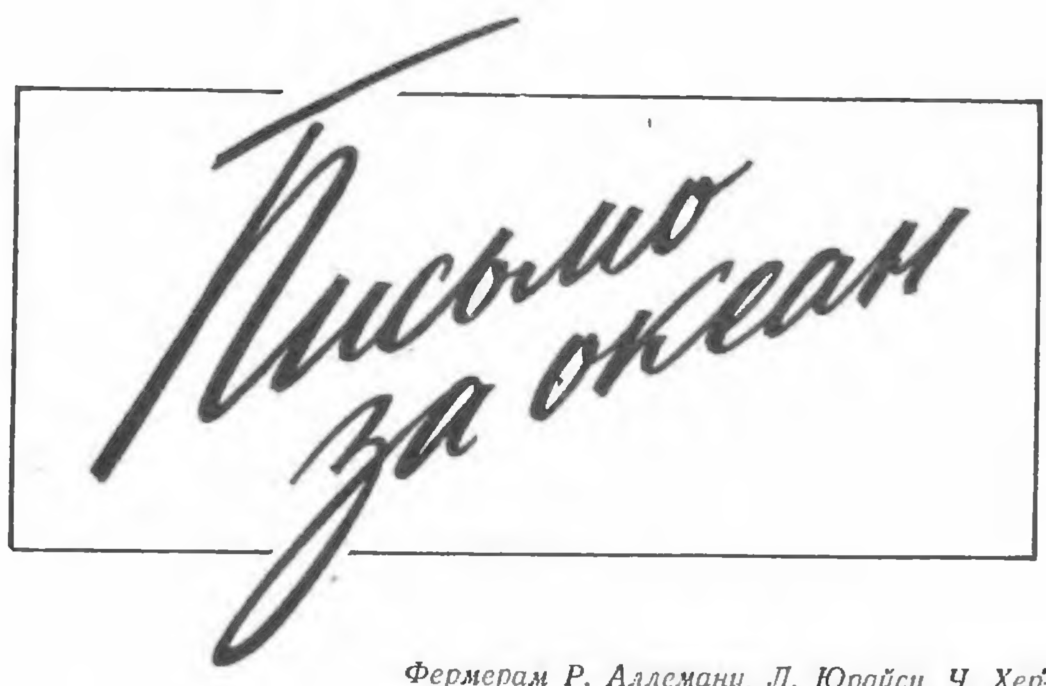
Многие знают об успехах способного молодого гонщика, 18-летнего рабочего Леонида Лешкова. Еще четырнадцати лет, будучи учеником шестого класса, Леня Лешков стал активистом мотоклуба, а в 16 лет уже выходил победителем в состязаниях с лучшими гонщиками города. В этом году на соревнованиях в Серпухове он завоевал первенство Российской Федерации среди юношей.

...Не узнать теперь бывшего ярмарочного города Ирбита. В северном Зауралье словно родился совсем новый город.

А. ГРИГОРЬЕВ

Малолитражный автомобиль «Белка».

Фермерам Р. Аллеману, Л. Юрайсу, Ч. Херсу, Д. Аусбергеру, штат Айова, США. Президенту Монсону и его друзьям — ветеранам войны, основателям кооперативной фермы «Матадор», провинция Саскачеван, Канада.

Я уже дома, друзья! Перелетел Атлантику, пересек Европу и вот добрался до своей станицы Усть-Лабинской. И тотчас же меня обступили станичники: что в Америке, как в Канаде? Понравилось?

Конечно, вы назвали бы меня плохим другом, если бы я покривил душой и сказал колхозникам, что мне у вас все понравилось. Человек я пожилой, многое в жизни испытал и оценил на собственном опыте; до революции я батрачил, участь моя зависела от прихотей хозяина, и я радуюсь, что этого не испытали мои дети. И понятно же, что мне, много видевшему и испытавшему человеку, не безразличны судьбы трудовых людей, где бы они ни жили. И когда колхозники спросили у меня об американской жизни, я им сказал: Соединенные Штаты и Канада — большие страны, и там немало хорошего. Но есть в жизни трудовых людей этих стран и такое, что меня, советского трудового человека, говоря откровенно, и огорчило и опечалило.

Но мы-то ездили в Америку не для изучения ее образа жизни, а за сельскохозяйственным опытом...

И я заговорил о новинках вашего земледелия и животноводства: о навесных орудиях, о гибридизации кукурузы, о племенном скоте, о межпородном скрещивании свиней, кур, о малой механизации, в которой вы, американцы, достигли успехов.

— Нет, погоди,— перебил меня один старый колхозник,— погоди, не спеши, председатель. Насчет гибридизации — то разумная штука, мы еще тебя послухаем. А ты ответь-ка для начала на главный вопрос.

— Это на какой же главный?

— А на такой: что они там думают про нас, американские люди? Нашел ты с ними общий язык?

И я рассказал колхозникам о том, как сотни людей, трудовых людей: рабочих, интеллигентов, фермеров,— съезжались на аэродромы, на городские площади и перекрестки дорог, чтобы пожать наши руки, и о том, как студентки колледжа в Де-Мойне, главном городе штата Айова, вышли встречать нас с плакатом «Милости просим!», и о том, дорогой Логэн Юрайс, как Ваш сын, узнав, что мы будем ехать мимо Вашей фермы, написал на сарае: «Здравствуй, товарищ!». Слово «здравствуй» было написано русскими, а «товарищ» — латинскими буквами: парень не обнаружил этого слова в старом словаре...

П. Н. Свечников (у карты) с активом колхоза.

И еще я рассказал колхозникам о дне, проведенном на Вашей ферме, мой дорогой Аусбергер. Помните, после обеда мы сидели на веранде. Было душно, с полей тянул такой же сухой, испепеляющий ветер, какие порой дуют и у нас на Кубани. Я задумался: вспомнились родина, станица, семья, помощники. Ох, сколько же еще у нас, у кубанцев, дел впереди, сколько забот! И Вы были озабочены: подрастают дети, надо ставить их на ноги, строиться, прикупать землю. Предстоят большие расходы — понадобится много, очень много долларов. Заботы, заботы...

Да, мы сидели за одним столом, разные люди, каждый со своими заботами. Но вот Вы подозвали сыновей, и мы оба повеселели. Мне они полюбились, Ваши мальчики: загорелые, бойкие, неизбалованные. Понравилось, что с малолетства Вы приучаете их трудиться, ухаживать за скотом, управлять машинами. Старший, четырнадцатилетний Ваш сын получил приз на выставке за то, что вырастил отличного хряка породы «дюрок». Я вспомнил наших колхозных ребят,— они также бойкие, любознательные, трудолюбивые. У моего юного приятеля Толи Янина, ровесника Вашего сына, отец погиб на последней войне. И этот хлопец-сирота ведет себя, как взрослый: заботится о сестре-студентке, сам учится, а все каникулы проводит на полях колхоза. Любимец бригады, он этим летом заработал 100 трудодней... Хорошие растут ребята! И мне подумалось: да неужели мы с Вами, Аусбергер, настолько неразумны, что допустим, чтобы чья-то злая рука поссорила их, наших мальчиков, столкнула их, поставила друг против друга? Чего они или мы, их отцы, не поделили?

Мы не сговаривались, но, видимо, задумались об одном и том же, потому что Вы, обняв детей, сказали задумчиво:

— Дружба... Дружба нужна.

Да, друзья, не только интерес мается, усадил нас за один стол. Нас сблизило то, что и вам и мне одинаково, как воздух, как хлеб, нужны дружба и доверие между нашими народами. И вы не упрекнете меня в излишнем оптимизме, если узнаете, что я уверенно доложил своим колхозникам: в американских семьях, где мне пришлось побывать, я заметил это искреннее, неподдельное желание дружбы с советским народом.

И еще одно меня порадовало: интерес ваших трудовых людей к жизни нашей страны. Народ вы, как я успел заметить, практический, реалисты, любите точную цифру; говорить с вами, признаюсь, нелегко: надо напрягать память,— и, если вы заметили, я, отвечая на ваши вопросы, оперировал лишь итогами минувшего года и остерегался говорить о годе нынешнем: уезжал я из дому в начале уборки, половина урожая стояла на корню, как же можно было хвастаться цыпленком, когда еще и яичко-то не снесено? К сожалению, и ваша сельскохозяйственная делегация — а она 2 августа посетила наш колхоз — не все увидела.

Я вернулся домой в жаркую пору. Верно, пшеница была уже убрана, да и подсолнухи обмолочены, но кукуруза, сахарная свекла, овощи, виноград, фрукты — все это еще росло. Словом, сойдя с поезда, я тотчас же окунулся в хозяйственные заботы. Вместе с директором МТС, участником войны, Героем Советского Союза Владимиром Степановичем Стрижаком, мы принялись на уборку: пустили в ход все машины, вывели в поле всех колхозников. И хотя кукурузы у нас было посеяно вдвое больше, чем в прошлом году, но убрали мы ее раньше прошлогоднего. Сейчас передо мной лежит справка: зерна мы собрали 840 тысяч пудов — гораздо больше, чем минувшей осенью. Если учесть, что погода нас не баловала — и осадков было поменьше, и суховеи наделали бед,— если учесть все это, то на урожай я в общем не жалуюсь. Пшеницы мы, верно, собрали меньше, чем предполагали, зато кукуруза нас выручила. Зерна, в том числе и пшеницы, нам вполне хватило и на поставки государству, и на оплату тракторных работ, и на выдачу колхозникам, и на кормовые цели. Да сверх того, чтобы поднять денежный доход, мы порядочно хлеба продали государству по повышенной, закупочной цене.

Хорошо удались подсолнухи! По 20 центнеров семян — считайте на круг по 8 центнеров чистого масла — получили мы с гектара. Вдвое больше, чем в прошлом году, выдали масла колхозникам да еще от продажи подсолнухов государству выручили 2 800 тысяч рублей!

Очень я беспокоился о животноводстве. Вы, конечно, знаете (мы говорим об этом открыто): многие наши колхозы и совхозы до сих пор еще не достигли большой продуктивности животноводства. Верно, в Москве меня порадовали: в стране нынче надоено молока на одну треть больше, чем в минувшем году, а наша Кубань сверх прошлогоднего надоила свыше 900 тысяч центнеров молока. Но народ-то хочет жить лучше, а молока, мяса и масла мы производим еще маловато. Словом, воротившись домой, я ферму.

Тревожился я за свои фермы: не отстали они? Члены правления мне сообщили:

— Нет, и у нас есть сдвиг: молока надоено на 3 тысячи центнеров больше, чем в прошлом году; на мясокомбинаты сдано несколько сот отличных свиней, да еще на откорме стоит тысяча.

Но меня это не успокоило.

— Как с кормами на зиму? — перебил я членов правления. — А ну покажите запасы!

Зоотехники подвели меня к цементированным, уже накрытым траншеям, показали: тут лежит две тысячи тонн консервированных початков кукурузы и, чего мы не имели раньше, вдвое больше сочного кукурузного силоса, да на полях не убрана пожнивная кукуруза — второй урожай. Я порадовался, но все же принялся за корма. Мы прибавили к этим запасам еще сотни тонн сухого кукурузного зерна, много сена, силоса, кор-

мовой свеклы. Никогда наши животноводы не имели к зиме столько кормов, как нынче! А это же молоко, это мясо!

И иные заботы в те же дни обступили меня. Помнится, на третий день по приезде бухгалтер положил на стол чек на 400 тысяч рублей, их надо было взять из банка для выдачи колхозникам. Это был не первый чек. Я прикинул: всего в этом году предстоит выдать колхозникам до 6 миллионов — и вспомнил, как вы, канадские друзья, ветераны, основавшие кооперативную ферму «Матадор», донимали меня вопросами о распределении доходов. Вы удивлялись: как это мы ухитряемся делить половину всего дохода между членами артели? А как же, мол, с налогами, с покупкой машин, кредитами, с долгами?.. Как мы сводим концы с концами? А вот так, друзья, получается у нас нынче: мы много строили — соорудили насосную станцию, провели водопровод, построили добротные коровники, свинарники, гараж, пополнили машинный парк. И все же мы разделим на трудодни шесть с лишним миллионов — больше половины денежного дохода. Но это не все, что получат наши люди. Мы выдали им пшеницу, кукурузу, подсолнухи, а еще у нас есть система дополнительной оплаты труда, и если, к примеру сказать, свинарка, доярка, птичница или звеньевая дает нам продукции больше, чем было предусмотрено, мы выдаем ей надбавку натурой и деньгами. Для этой цели одним свекловодам — поработали они на совесть и свеклу вырастили отличную — причитается до 400 тысяч рублей и несколько вагонов сахара дополнительно к основной оплате, а свинаркам — 500 поросят, а полеводам — подсолнечник...

Хлопотлива осенняя пора. Многие колхозники справляют новоселье. В этом году у нас в станице возведено более 300 новых домов. А за новосельями следуют свадьбы, и чуть ли не каждую субботу меня одолевают молодожены: приглашают на торжество.

Толя Янин.

→
Свеклу нынче убирают комбайном...
Фото О. Кнорринга.

Беседуя с вами, я часто слышал: «Я отложил деньги на старость» или: «Надо бы подумать о черном дне, что-то здоровье пошаливает». Я еще раз говорю, что не собираюсь оценивать ваш образ жизни — для этого я видел слишком немного, да и приезжал к вам с иными целями, — но я не мог не понять этой вашей тревоги о завтрашнем дне. Я вспомнил своего отца, и он так же тревожился. Сейчас же я смотрю на людей, которые помоложе меня, да и на своих ровесников: нет, они не испытывают этой тревоги. Что ж, спросите вы, или ваши люди так беспечны? Нет, дело не в этом. Когда умер колхозник Шеленко, единственный кормилец семьи, а вдова его осталась с маленькими детьми, женщина не пришла в отчаяние, не разорилась, ее дом и имущество не были проданы с молотка. У семьи оказался другой богатый кормилец — колхозная касса взаимопомощи. Это солидный кормилец: на его счету полмиллиона рублей. Касса щедро и безвозмездно помогает и сиротам, и больным, и нетрудоспособным, и людям, попавшим во временную нужду. На днях я вновь навестил колхозный дом отдыха для престарелых, проведал наших стариков, которые потрудились и ушли на отдых, — живут они обеспеченно, их старость не омрачена бедностью. Мы не жалеем денег и для молодежи: построили два хороших клуба, купили инструменты для духового оркестра, создали ансамбль песни и пляски. На днях в станице был праздник: тысячи гостей съехались к нам на районную сельскохозяйственную выставку, выступал сводный хор, более тысячи певцов, состязались спортсмены.

Поскольку это письмо как бы продолжает наш разговор, мне хотелось, пользуясь случаем, рассеять одно заблуждение, которое, возможно, возникло у ваших делегатов. Помнится, все вы спрашивали: «Что, Свечников, видимо, ваш колхоз выдающийся в Советском Союзе?» Тогда я не придал значения этому вопросу, а когда вернулся, члены правления сказали, что и ваша сельскохозяйственная делегация, приезжавшая в нашу страну, спрашивала о том же. Наверно, — так я рассудил — вы считаете, что раз председатель был включен в состав делегации, едущей в Америку, а в колхоз приглашают иностранцев, — значит, мол, это особенное, выдающееся хозяйство. Мне нельзя обойти этот вопрос: будет неловко перед моими соседями, друзьями, председателями других колхозов Кубани.

Разумеется, прибедняться не надо: в крае есть колхозы и похуже нашего, намного похуже. Но если я скажу, что наш колхоз выдающийся, то как на это посмотрит мой знакомый Иван Иванович Буренков, председатель колхоза имени Буденного, Брюховецкого района, куда не заезжала ваша делегация, но где есть великолепный племенной скот, и молока там надаивают чуть ли не вдвое больше, чем мы? А что скажет мой коллега по Верховному Совету, депутат Н. Ф. Лыскин, где тоже не были ваши делегаты, а там отличная птицефабрика, да и все хозяйство получше нашего? Нет, друзья, наш колхоз пока не выдающийся в стране, это, пожалуй, типичный колхоз для Кубани. Правда, меня радует, что поднимаются и богатеют соседи, но, с другой стороны, это же и заботит: как бы не отстать от других, хозяйство-то огромное!

Помнится, Вы, Ричард Аллеман, качали головой, с недоверием спрашивали: «Неужели в вашем колхозе, Свечников, столько земли и скота?» Я понял Ваше недоверие: масштабы кубанских колхозов непривычны американцу. В Соединенных Штатах я чаще всего встречал фермы, имеющие 65—100 гектаров земли, а наш колхоз — не самый крупный на Кубани — владеет 12 500 гектарами. Вы всерьез спросили, как же я один могу управиться с такой махиной. Но заметьте, Ричард, положение председателя колхоза особенное. У нас есть правление, избранное колхозным народом. У меня сотни помощников, которые считают себя такими же хозяевами колхоза, как и я сам. Весной я вышел к колхозникам с наметками плана на пятилетие и получил от рядовых людей больше 200 поправок, советов и предложений. Были такие предложения, которые в корне меняли наши наметки, и пришлось их принять: воля хозяев!

Как видите, управляя колхозом, я не чувствую себя одиноким. А бок о бок со мной всегда директор МТС В. С. Стрижак, его машины вершат в колхозе до 98 процентов всех полевых работ.

Мы в колхозе подробно изучаем и ваш и английский опыт, но уже и сейчас видно, что ваша малая механизация, ваши приемы выращивания кур, свиней, прессовки сена и т. д. вполне подойдут и нам. Но за всем этим я не забываю самого главного, что вывез из ваших стран, — добрых мыслей о трудовых людях Америки. И когда порой по радио мне приходится узнавать, что где-то выступил нетерпеливый генерал и пригрозил нам бомбой, где-то шумнул глашатай «холодной войны», где-то заключили новый военный пакт, когда эти вести омрачают меня, я вспоминаю вас и ваших друзей, и у меня теплеет на сердце. Нет, думается мне, если мы с вами будем дорожить дружбой, вряд ли удастся нетерпеливым генералам наделать бед.

Елена Ильинична Артюшенко много лет работала в колхозе. Подошла старость, и председатель кассы взаимопомощи Ф. Н. Резинченко (слева) определил ее в Дом престарелых.

Ну, всего наилучшего! Очень досадно, конечно, что мы не увиделись с Вами, Чарльз Херс. В тот день, когда Ваша семья дружески принимала меня у себя на ферме в Айове, Вы ездили по Украине. А 2 августа, в тот день, когда Вы гостили в нашем колхозе, я мчался по просторам штата Южная Дакота. Разминулись в пути. Что ж теперь делать? Остается надеяться, что мы еще навестим друг друга: дорога-то проторена...

Желаю вам всяческого благополучия в ваших заботах. Жму руки!

Ваш Петр СВЕЧНИКОВ,
председатель колхоза «Кубань».

Станица Усть-Лабинская,
Краснодарский край.

У СОСЕН НА НЫММЕСКОЙ ДОРОГЕ

Фото С. Розенфельда.

Пилли Юри был веселым гармонистом. Вечерами он брал свой инструмент и ходил играть в корчму: там собирались рабочие таллинских фабрик. Юри пел о свободе. и за это он был схвачен, осужден, привезен к шести соснам на песчаном пустыре у дороги из Таллина в Нымме и повешен. Он был первым в списке борцов за свободу, расстрелянных и повешенных у этих сосен в 1905—1909 годах...

О его тезке, Юри Таммике, сохранилась такая заметка в одной из таллинских газет того времени: «Вчера (1-го марта 1906 года) перед обедом был приведен в исполнение приговор военного суда над агитатором Юри Тэммиком... После того как приговоренный простился со своей женой и братом, он попросил не привязывать его к сосне и не завязывать глаз. Эта просьба была выполнена. Прозвучал сигнал, и солдаты, стоявшие на расстоянии десяти шагов от приговоренного, выстрелили... После того как врач констатировал смерть, казненного уложили в гроб и похоронили на Рахумяэском кладбище...»

Позднее эстонская газета «Пяэвалехт» писала: «С весны на том месте, где был расстрелян Таммик, замешанный в убийстве господина фон Баранова, стоял своеобразный памятник. Там был насыпан холмик, на котором лежал окрашенный в красную краску крест, деревянное изображение ружья и венок. На сосне, у которой расстреляли Таммика, была прикреплена тоже окрашенная в красный цвет доска с надписью: «Берегитесь мщения!» Полиция убрала эти предметы 18 сентября 1906 года».

По сохранившимся протоколам военного суда известно, что только в первой половине 1909 года в Таллине было приговорено к смертной казни 739 человек.

На Ныммеской дороге, у сосен, расстреливались не только эстонские, но и русские и латышские революционеры. Их привозили сюда из разных мест.

Сосны стали как бы памятником павшим революционерам. Чья-то рука вырезала на них крест. Даже в годы буржуазной власти висели здесь венки, украшенные алыми лентами. В народе сохранились песни о кровавых соснах. Записанные и переведенные на русский язык сотрудниками Таллинского городского музея, они напоминают о трагической гибели первых революционеров:

У Ныммеской дороги
Багровая сосна.
Невинной кровью алой
Окрашена она...

И еще сохранились такие строки:

У Рахумяги, на версте шестой,
Лишь сумерки настанут,
Над новой жертвой роковой
Чинят кровавую расправу...

О многом напоминают разросшиеся сосны. Попрежнему с благоговением проходят мимо них люди. Только пустыря нет кругом: теперь там стоят новые белые дома. Они построены в послевоенные годы.

Н. ХРАБРОВА

ПЕВЕЦ НАРОДА АРМЕНИИ

К 80-летию со дня рождения Аветика Исаакяна

Поистине достойна восхищения та нежная — именно нежная — и почтительная любовь, которой окружены имя и личность Аветика Исаакяна в его родной стране. Варпэтом — мастером — называют его все: читатели и писатели, горожане и крестьяне,— варпэтом именуют его не только в дружеском кругу, но и на официальных торжественных заседаниях. Речь идет, конечно, не только о блестящем мастерстве формы, но прежде всего о глубоком и тонком выражении народных мыслей и народных чаяний. В тяжелые минувшие годы поэт писал о себе:

Я угнетенного народа сын!..
Я в сердце раны родины ношу.

И, конечно, он подлинный сын своего народа.

Армения — страна своеобразнейшей красоты, страна изумительных архитектурных памятников, страна народа, страдания которого на протяжении веков беспримерны и безмерны, а стойкость и мужество вызывают чувство трепетного восторга. Армения вправе гордиться своей пронесенной сквозь муки культурой, своей изумительной поэзией.

Аветик Исаакян — законный наследник и продолжатель славных традиций классической армянской поэзии. Вместе с тем он поэт вполне самобытный, простой и непосредственный в своих чувствах и мыслях. Это о нем, об Исаакяне, сказал в 1916 году не очень щедрый на похвалы Блок: «поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».

Своим первым и главным учителем Аветик Исаакян считает народ. Поэт рассказывает в автобиографических воспоминаниях, как жадно внимал он песням гусан, как внимательно слушал красочные рассказы старого мельника Григора.

Он воспитывался на произведениях Хачатура Абовяна и Микаэла Налбандяна, на произведениях Пушкина и Лермонтова. О Лермонтове — своем любимейшем поэте — Исаакян сказал: «...начиная с детских лет, любимым поэтом моим был возвышенный, точно Казбек, и глубокий, словно Дарьял, Лермонтов, творчеством которого я часто вдохновлялся...» С молодых лет Исаакян знает и любит Тараса Шевченко, украинские народные песни. По этому поводу мне вспоминается трогательный эпизод, который, думается, стоит того, чтобы о нем рассказать.

В 1951 году усилиями коллектива украинских поэтов была создана и опубликована на украинском языке книга избранных стихотворений Исаакяна. Я как редактор книги послал ее в подарок автору «Песен Алагяза». Через довольно продолжительное время я получил письмо, в котором Исаакян благодарил меня и товарищей за книгу. Письмо было написано по-украински. Оказывается, поэт, чтобы ответить мне, нашел человека, хорошо знающего украинский язык, который мог бы, во-первых, помочь автору разобраться в переводах, а во-вторых, написал бы письмо на языке народа, «песни которого,— говорит Исаакян,— я люблю с молодых лет».

Большое значение для творческого развития поэта имел Ованес Ованисян, преподававший в духовной академии, где учился Исаакян, русский язык и литературу. Ему показывал молодой студент свои не первые уже опыты (начал он писать стихи одиннадцати — двенадцати лет), от него получал дружеские и добрые советы, из которых самый главный был — писать о том, что сам видел и сам перечувствовал.

После выхода из академии Исаакян уехал за границу, слушал в Венском и Лейпцигском университетах лекции по литературе и философии. Исаакян — отличный знаток мировой литературы, владеющий несколькими иностранными языками. В 1895 году он возвратился в Армению.

Дальнейшие годы жизни поэта омрачены рядом репрессий со стороны царского правительства: поэт томился в тюрьмах и ссылке. Несколько раз он выезжал за границу и возвращался на родину, где снова ожидали его жандармские преследования. Нежный лирик был стойким борцом за свободу родного народа, борцом против царского самодержавия, достойным последователем ученика Герцена и Чернышевского — Микаэла Налбандяна.

вал за границу, в воспоминаниях о которой есть у него и светлые, но есть и много горьких страниц. Только в 1936 году он окончательно вернулся домой. Новой жизнью жила Советская Армения. Новая жизнь началась и для поэта.

Когда говорят о печальных и скорбных мотивах в поэзии Исаакяна дооктябрьской поры, вернее, до возвращения его на родину, о мотивах, характерных вообще для классической армянской поэзии и вполне объяснимых историческими условиями, то следует помнить, что мотивы эти у Исаакяна вызваны многовековыми страданиями армянского народа, «ранами Армении», говоря словами Хачатура Абовяна. В этих мотивах сказалась и горечь скитания на чужбине, вдалеке от горячо любимой родной земли, от родного народа...

Вот одно из скорбных размышлений поэта, помеченное 1903 годом:

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятьях чужих — моя джан

Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися,—
Нет в подлунной обетов святых!

Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану,— склоняюсь главою
На шипы, на утес, на скалу...

Исаакян любит землю, природу, животных, цветы, пламенной любовью любит людей с их простыми земными радостями...

Сливки к ужину готовы,
Остывают в кувшине,
Фартук праздничный, пунцовый
Нынче вечером на мне.

Под садовою оградой
Ложе постлано для сна.
Там овеет нас прохладой,
Ночью озарит луна.

Видишь, тучи солнце скрыли;
Поскорей вернись домой.
У орла займи ты крылья.
Жду тебя, желанный мой.

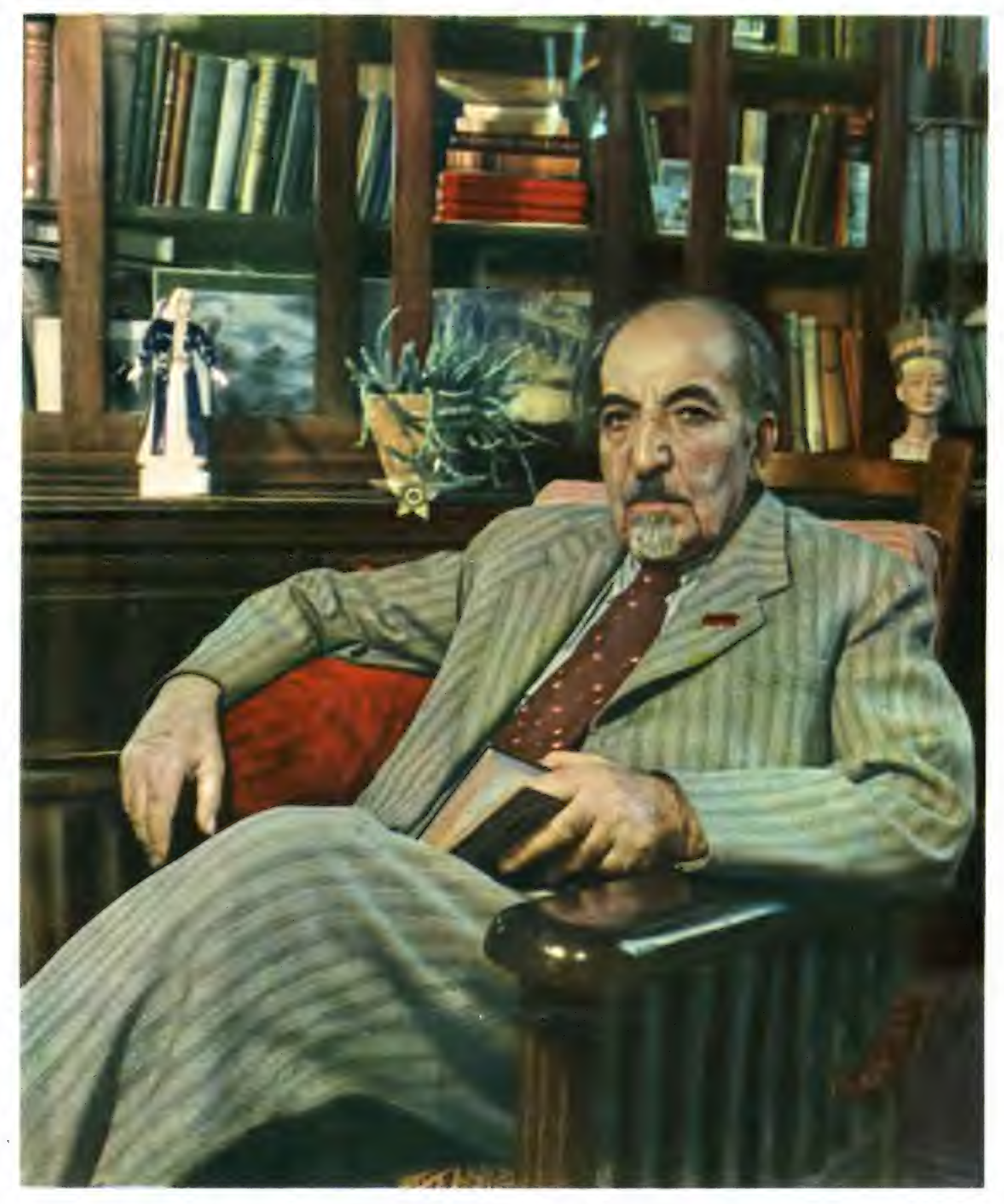
О красивой, простой, свободной жизни мечтал Аветик Исаакян, и такую жизнь застал он на родине, возвратившись из далеких и нелегких скитаний. «Великая Октябрьская социалистическая революция,— писал он,— спасла и зиявший тогда на краю гибели. Началось подлинное возрождение, о котором веками мечтал народ».

И новые, светлые мотивы зазвучали в поэзии Исаакяна. Даже в стихотворении, вызванном печальным событием — кончиной на поле брани героя Великой Отечественной войны земляка поэта С. Г. Загияна, звучит великолепный мотив торжества жизни — новой, советской жизни:

Покойся безмятежно в вечной славе,
Вослед тебе герои мчатся в бой,
Цветет Армения все величавей,
И пламенеют розы над тобой.

Среди роз и виноградников новой Армении, окруженный всенародной любовью и восхищением, живет и творит прекрасный поэт, человек, гражданин.

М. РЫЛЬСКИЙ

Аветик ИСААКЯН. К 80-летию со дня рождения.

Фото А. Кочара.

Польская Народная Республика. Закопане. Туристская площадка на вершине горы Губалувка.

Фото А. Новикова.

УЗНАВАТЬ И ДРУЖИТЬ!

Заметки туриста

Галина ШЕРГОВА

Я не сторонница коллекционирования случайных сувениров. Но во время туристской поездки по Польше вся наша группа была охвачена этим увлечением, и сейчас я рада, что оно не миновало и меня. Разглядывая свой «архив», я заново восстанавливаю в памяти эти дни, и снова чувство дружбы с польским народом волнует меня.

Подобные коллекции обычно начинаются с билетов. Но железнодорожный билет «Москва — Варшава» — единственный «экспонат» такого рода в наших архивах. В них нет других билетов — ни железнодорожных, ни автобусных,— нет счетов гостиниц и ресторанов: все это входило в стоимость туристской путевки. Есть театральные билеты, но и их мы получали бесплатно.

Зато вот целая пачка газетных вырезок — это наши интервью. Кинохроника и радио, варшавские и провинциальные корреспонденты были нашими постоянными спутниками. То и дело слышалось: «Товарищ Иванова, варшавские радиослушатели хотят услышать голос советской ткачихи!.. Товарищ Зюзин, вы сражались в Польше. Как, по-вашему, выглядит новая Варшава?»

Как выглядит? Отлично.

Варшава возродила все памятные места национальной истории Польши. Как ожившая гравюра, задышал Старый Город с узкими улочками и витыми фонарями над порталами зданий,— кажется, ветер столетий не загасил в них неверный свет. В Старом Городе вы зайдете в старинное кафе «Под крокодилом», и мороженое вам подадут девушки в костюмах XVIII века.

И все-таки Варшава — город сегодняшнего дня.

Огонь и гусеницы гитлеровских танков превратили в каменную пустыню большую часть города. На месте мертвых камней поднялись теперь новые кварталы. Мохнатые пологи дикого винограда уже прикрыли стены домов, зелеными молниями метнулись лозы к окнам. И в любом районе Варшавы на балконах и подоконниках цветут цветы. Мы стояли в палисаднике дома, возле которого пожилая полька возилась с черенками винограда. Полька сказала по-русски:

— Я вернулась сюда в войну и жила в землянке. А вот теперь мои окна.— Она махнула рукой наверх.

Сегодняшняя Польша не забывчива: она знает, что родилась на крови своих сыновей. На одном листке бумаги у меня записана цифра. В ней заключен точный в своем гневе и скорби рассказ об Освенциме. Мы покидали бывший лагерь смерти, и все уже были в автобусах, когда выяснилось, что пропал кондуктор. Через четверть часа он вернулся: кондуктор был узником Освенцима и ходил смотреть руины своего барака, № 57. На его руке до сих пор значится номер — этот самый. Время не вытравило синей татуировки, оно бессильно вытравить в памяти поляков ненависть к войне.

Три времени — прошлое, настоящее и будущее — так тесно переплетены в Польше, что их трудно отделить. Это ощущаешь на каждом шагу.

Я раскрываю альбом, подаренный мне оператором польской кинохроники Виеславом Томашкевичем,— это Краков, его родной город. Сквозь насупленные бойницы крепостной стены смотрит Краков со страниц альбома.

Не всякий древний город может вот так взять и перенести тебя на несколько веков назад. А в Кракове невозможно избавиться от мысли, что время сдвинулось: ни современные витрины магазинов, ни сегодняшняя, очень сегодняшняя толпа не могут вывести тебя из этого состояния. Ты идешь мимо галереи «суконных рядов» на площади Рынка, и голуби слетают к тебе с завитков аттиков, венчающих здания. Стрельчатая готика костелов сторожит узкие трехоконные дома, немного откинувшиеся назад (они шире у основания), и ты думаешь, что дома так удобно уселись на мостовых, чтобы просидеть века. Звуки хейнала повисают под шпилем Марьятского костела, и ты ждешь, что из переулка выедет всадник в доспехах,— ведь и столетия назад так же звучал хейнал на костеле. Каждый час выходит человек на башне Марьятского костела и трубит на четыре стороны одну мелодию. И четырежды мелодия обрывается на полуноте... Когда-то марьятский трубач заметил приближение татарских полчищ к Кракову и хотел возвестить об этом городу. Но вражеская стрела попала ему в горло и оборвала мелодию — с тех пор мелодия всегда рвется на этой роковой ноте.

Я листаю альбом и вдруг между страницами нахожу детский рисунок — цветными карандашами раскрасила его неумелая рука. И сразу, как и тогда в Кракове, меня покидает ощущение смещенности времени, и сегодняшний день этого города предстает предо мной.

На площади Рынка мы встретили красочную группу: девушки, китаянки и польки, в национальных костюмах шли, обнявшись, по мостовой: краковцы показывали свой город гостям — артистам китайской оперы, гастролировавшей в Польше. Накануне в театре мы видели, как восторженно приветствовали поляки китайских актеров. Вдруг к группе подбежала девочка с кургузой, задорной косицей. Она протянула китаянке пачку листков — это были ее собственные рисунки. На одном из них, разделенном пополам зеленой чертой, была изображена сцена из китайской оперы «Двое на одного гуся», с одной стороны, и красный силуэт заводских труб с лиловым дымом — с другой. Под этой частью рисунка стояла подпись-лозунг, начертанная на воротах металлургического комбината Новая Гута: «Гута имени Ленина — символ мира».

Китаянка взяла рисунок и потом под словом «Гута» поставила какие-то иероглифы.

Переводчик пояснил: «Она написала «Аньшань» — это наш новый комбинат». И тогда москвичка Татьяна Казьмина подписала снизу: «Магнитка». Так три названия, выстроившись в шеренгу, встали против слов «символ мира». И в этом была новая, величественная символика.

Китайцы предложили «подарить рисунок русским товарищам». И сейчас, вспоминая Краков, я думаю и о древних его чертах и о Кракове — городе братской солидарности.

В тот же день мы увидели Новую Гуту во плоти — заводские трубы и негасимое зарево над домнами.

Здесь не было недостатка в переводчиках. Это предсказали мои спутники — ленинградские металлурги Валентина и Александр Баймаковы. Они проходили производственную практику на украинских металлургических заводах, где новогутовцы учились мастерству. Тут, в Новой Гуте, особенно остро ощущаешь, как стоят плечом к плечу наши страны. Мастер мартеновского цеха Юлиан Вжетань сказал об этом точно:

— Здесь везде рядом — Советский Союз и Польша. В прошлом году я был на практике в «Азовстали», а сейчас из «Азовстали» приехал электрик Чуканов помогать нам монтировать новый цех. Вот видите: в домну вошел уголь из Силезии и руда из Кривого Рога. А вот они уже стали металлом, в котором их нельзя разлучить. Так и мы.

И еще раз я вижу название «Новая Гута», записанное рукой моей соседки по номеру — Ирины Петровны Кучкель. Переписывая в гостинице этот адрес в записную книжку, Ирина Петровна вдруг прочла вслух: «Новая Гута, Ванда Чиж» — и прибавила: — Просто удивительно! Ведь она меня совсем не знает...»

Ванда была обыкновенной девушкой из деревни, к полям которой вплотную подступила Новая Гута,— ведь и сейчас трамвайная линия идет здесь мимо жнивья. Там, в поле, увидел девушку слесарь Ежи Чиж. Они поженились, и Ванда тоже пришла на стройку. Ванда была горда. Дома в семье она говорила: «Мой Ежи — самый лучший слесарь. У нас на стройке делают так-то». Ежи олицетворял для нее мир, принявший ее.

Однажды муж сказал ей: «Знаешь, мы переезжаем в Краков. Меня берет в пай один владелец ремонтной мастерской. Что нам проку от этой стройки?» Ванда никогда не возражала мужу. Наверное, потому она не сказала ничего и в этот раз. Но она не поехала в Краков. Она осталась в Новой Гуте — с людьми и делом, без которых уже не мыслила жизни. Просто теперь, приходя в село, она стала говорить только о заводе. И ни слова о муже.

Ирина Петровна не зря была тронута внезапной откровенностью Ванды Чиж. В словах советской женщины та хотела найти утверждение своей правоты, правомерности поступка, какой вряд ли совершила бы полька десять лет назад.

...Веселые сувениры — резные деревянные игрушки — я приобрела в Татрах, на горном курорте Закопане, у самой чешско-польской границы. Городок нахлобучил смешные крыши — шляпы с высокой тульей и короткими полями,— это чисто «закопанский» стиль архитектуры. Веселые извозчики в шапочках с кивающим помпоном еще соперничают здесь с шоферами «Варшав» и «ЗИМов». Горы и трамплины сзывают сюда зимой бесстрашных лыжников.

Мы вкусили прелести закопанского житья. Стальная корзинка канатной дороги носила нас над пропастями, и, выплывая из встречного облака, мы видели, как сероватые свечи горных елей сменялись пышными канделябрами ползучих хвойных. Побывав на горном озере «Морское око», мы, разумеется, выслушали пять легенд о его происхождении (какое порядочное озеро не имеет своей легенды!); нам рассказал их горный проводник, неунывающий Януш. С ног до головы он был обвешан туристскими сувенирами со всего света...

Теперь и я разделяю это увлечение Януша и, перебирая польские «упоменки», вспоминаю его слова:

«Международный туризм — это прекрасно. Человек живет на земле, чтобы узнавать людей и дружить с людьми. А туризм как раз это самое и помогает делать!»

С балкона Дворца науки и культуры открылась чудесная панорама Варшавы. Ну как не использовать фотоаппараты?

Фото А. Новикова.

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Рассказ

Н. ГРИБАЧЕВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

На дачу к художнику Борису Борисовичу Подсекину ехал критик Мукомолов. Подсекин пригласил его пообедать и посмотреть новые работы. Сухая и теплая подмосковная осень светилась придорожными березками, бронзовые куски жнивья тяжело облегали холмы, в маленьких речках шепталась с осокой синяя вода и мерцали перламутровыми боками подросшие за лето мальки. Впереди над лесом, через весь купол неба, пронесся реактивный самолет — звука не было слышно, только распустился и повис от горизонта до горизонта нетающий белый след, который можно было принять за перистое облако, предвещающее перемену погоды.

— Черт знает что! — басил сидевший на переднем сиденье Мукомолов, потирая жиреющий и плохо выбритый подбородок.— Все в отдельности весьма обыкновенно, я бы сказал, серийного качества, а в таком сочетании умиляет... А?

— Ты о самолете? — спросил Подсекин.

— Нет, я вообще... О мироздании, если так можно выразиться. Мироздание, миросозерцание, мироощущение, мировоззрение... Вот об этом самом!

— Философствуешь, значит... А самолетики-то и над городом летают, каждый день — в будни и праздники. Чему дивиться?

— Над городом — то, да не то... Там все человеком сделано, все от ума его: река в граните, шпиль здания в облаках, поезд под землей, пылесос, телевизор... И в силу множественности не удивляет. Здесь же воочию видишь: от сего вояжа до луны один шаг, а луна — это свист соловья, Петрарка, сонеты Шекспира, «Я вас любил, любовь еще, быть может...» След самолета и перистые облака, атом и мироздание, космическая спиральная туманность и синхроциклотрон, вырабатывающие одинаковые частицы энергии, и при всем том человек, млеющий от взгляда голубых или черных глаз! Грандиозно напутано, и все это ты должен обобщить и выразить, а я — оценить умение твое...

— Мало мы, люди искусства, ездим,— вставил начинающий композитор Хохолков, незаметно пожимая на заднем сиденье локоток своей молоденькой и хорошенькой жены, племянницы Подсекина.

Он писал лирические песенки, в которых изливал, в сущности, лишь собственные восторги перед женой; для него еще мироздание и все философские системы начинались и кончались только теплым и жадным на ласку телом, но при случае он старался показать и свою причастность к практическим вопросам искусства. К тому же фраза «мало ездим» была модной, ею, как одно время медики пенициллином, пытались лечить все недуги живописи, музыки и литературы.

— Поездишь тут! — буркнул Мукомолов, который каждый год собирался в путешествие и каждый год, сдаваясь на уговоры друзей и жены, отправлялся на один и тот же курорт.— Собачья должность, по крайней мере, у меня: то ты грызешь, то тебя... В соответствии с биологическим законом зубы отрастают, а ноги атрофируются.

— Какие там зубы! — усмехнулся Подсекин.— Маневрируете вы, клюкву на меду замешиваете... А мы от этого страдаем.

— Просто ужас! — поддержала дядю хорошенькая Хохолкова.— Неправду так тяжело говорить!

— Тяжело,— согласился Мукомолов.— И в сем грешен аз не единожды... Напишет приятель, извиняюсь за выражение, дрянь несусветную, нет ни рожи, ни кожи, а ты думай: ну, что с ним делать? Правду ляпнуть? Так он обидится... Один обидится, другой обидится, третий — и стоишь ты уже перед некоей отрицающей тебя коллективной силой. А тут видишь еще, как другой твой собрат, совести и чести вопреки, свою группку поддерживает, ерундистику чистейшую за гениальное новаторство выдает... И дрогнешь! И уж сами собой смягчающие обстоятельства подбираются: во-первых, хоть и плохо, но все-таки труд, а к труду у нас с почтением положено относиться; во-вторых, хоть и грош ей цена, хоть самая поверхностная, но идейка некая все же есть; в-третьих, не всем же в гении выходить, нужны и рядовые мастера; в-четвертых, у человека все-таки имя есть... И так запутываешься и запутываешь, что иногда сам бы себе по щекам надавал: не хитри, мерзавец, не предавай искусства, не обманывай самого себя и других!.. Бывало и со мной, бывало. Но — и хватит! При седых висках в голову мысли о самоуважении лезут. И вот что я тебе скажу, Борис Борисович: если картины твои не того... если и сам сомневаешься, высаживай меня тут, на обочине, чтобы дружбу не портить. Лучше уж я назад в Москву пешком пойду!..

— Нервы! — засмеялся Подсекин.— Сам пугаешься и меня пугаешь. На даче по лесу походишь — пройдет...

— Может, и нервы... Но помни: скажу, что думаю. И не обижайся, не могу иначе. Пора, брат, всем нам, как говорится, о спасении души подумать...

Настроения такого рода для Мукомолова не были ни случайными, ни новыми. Он в прошлом частенько грешил тем, что насиловал свою совесть, подливал дегтю в заслуженно хорошие оценки, чтобы не упрекнули в либерализме и нетребовательности, смягчал отрицательные настолько, что они становились полуположительными. И подлинно высокое и самое ничтожное он умел подвести под некий средний уровень, его «да» уравновешивались его «но», и, как бы впоследствии ни изменилась судьба произведения, он всегда мог похвастаться: «Я же говорил!»

И вдруг он стал замечать, что его статьи утратили в глазах читателей былой интерес и сам он, человек знающий и талантливый, постепенно превращается в нечто среднее, неинтересное, серое. В испуге от этого открытия он сказал себе: «Я не мог иначе, меня бы съели: слишком капризна и непостоянна жизнь в искусстве». И тут же должен был с горечью

сознаться, что это неправда: люди, которые на протяжении десятилетий прямо и резко отстаивали свои суждения, не боясь временных неудач, не только не потерпели крушения, но и пользуются уважением. Даже противники, нападая со всей яростью, не смеют упрекнуть их в нечестности или малодушии. И тогда Мукомолов решил: хватит, больше он не будет поступаться правдой ни в интересах друга, ни в страхе перед любыми упреками. В горячке дискуссий ему могут наставить синяков и шишек — ну, что ж, без этого в борьбе не бывает, зато он вернет себе самого себя!.. С этим настроением и ехал он теперь на дачу к Подсекину. Он знал Подсекина давно, знал, что он человек в самом деле талантливый, обладает высокой техникой письма, но если работы художника ему не понравятся, он выскажется прямо и решительно. А там будь что будет!..

На дачу, кроме Хохолковых и Мукомолова, приехал старый знакомый художника полковник Рогов. Добирался он электричкой, шел от станции лесной тропинкой и был в превосходном настроении. На седых его висках блестели капельки пота, к золоту погона прилепилось несколько иголок хвои. Стареющий, но подтянутый, с веселыми глазами и розовым от ветра и солнца лицом, он казался много моложе Подсекина и Мукомолова, хотя был старше каждого лет на десять.

— Это ваши летают? — спросил, показывая на белый след в небе, Мукомолов, плохо разбиравшийся в погонах.

— Мои ходят! — засмеялся полковник.— И, доложу я вам, превосходно это делают...

— Ну, что, смотреть будем? — обратился Мукомолов к Подсекину.

— Нет и нет! — запротестовала жена Подсекина Зоя Семеновна, очевидно, проводя заранее разработанную программу.— Сейчас я вам дам по рюмке наливки собственного изготовления, а затем марш все на прогулку в лес... Слушайте ласковую элегию осени и упивайтесь ее красотой!..

Зоя Семеновна любила декадентские стишки, считая современную поэзию серой и утилитарной, и полагала, что деятели искусства должны выражать свои чувства возвышенно.

— Это будет лучше,— согласился и сам Подсекин.— Тем более, что перекликается с моими последними работами...

— Тогда отпускайте наливку и пошли,— согласился Мукомолов.— Хотя, по мнению поэтов, осень с наливкой хуже, чем весна с водичкой... Но это — их личное дело!

Бродили по тропинкам и без тропинок. Жесткая буроватая трава была скользкой, и в ней блестела серебряная канитель засохших стеблей, из орехового куста, как множество детских глаз в пушистых ресницах, выглядывали орехи. Треща и цокая, сперва по нижним ветвям, а потом по вершинам сосен пролетела белка; мальчишка, вооруженный палкой, воображал себя охотником в непролазной тайге, а за ним, вынюхивая след, переваливался черный с белым ухом щенок. На одной из полянок под неслышную музыку,— может быть, они улавливали ее в тихом шуме вершин или шелесте травы? — танцевали парень и девушка; танцевали и вызывали другую пару, которая, пристроившись под старой, развесистой березкой, вела серьезный разговор. Полковник приложил палец к губам и первый пошел в сторону, чтобы не мешать, а композитор, приотстав, обнял за талию и поцеловал в шею свою молоденькую жену... Подсекин молчал и улыбался, а Мукомолов растроганно думал о том, как великолепна в своем многообразии жизнь...

На дачу вернулись слегка утомленные, но радостно возбужденные. Зоя Семеновна расставляла на столе рюмки и тарелки, извинилась, что обед еще не готов, и посоветовала посмотреть картины.

— Пока вы там будете препираться, все и поспеет...

Подсекин открыл дверь в студию...

Есть в беге времени какая-то непостижимая особенность: одних оно щадит, а на других вдвойне проявляет свою неумолимость. Это в одинаковой степени относится и к людям и к произведениям искусства... В некоторых ранних работах Подсекина, несмотря на очевидную неуверенность и торопливость писавшей их руки, сохранилась молодость: как сквозь тонкий туман на восходе солнца, в них сквозь несовершенство формы вдруг прорывались черты яркого и сильного характера, кусок пейзажа, поражающий верными и яркими красками, какая-нибудь деталь, которая не хотела стареть со всей картиной и жила, как молодые глаза на морщинистом лице.

Шли годы, торопливость исчезала, появились гладкие, хорошо выписанные полотна, но, странное дело, они не волновали и не порождали глубоких раздумий, как не волнуют каждодневные мелкие сцены на улице и в трамвае: они случайны и не отвечают на самые острые запросы жизни, а если за ними и скрывается что-либо значительное, то оно не в состоянии выявиться и прорваться сквозь привычность формы и обстановки... Мастерство Подсекина мужало, а картины старились и умирали на глазах. Он мучился, не мог понять, в чем дело, ругал критиков и зрителей.

Началась война, и в сорок втором году Подсекин отступал вместе с армией от Изюма. Работал он художником в газете, типографию разбомбили, часть сотрудников была убита, часть исчезла в водовороте войск, и теперь он двигался с чужим полком... Год спустя он написал картину «Отступление», которая принесла ему долгожданную известность. Бескрайняя степь с далекими селами и одинокими, похожими на знамена в чехлах тополями; над дорогами, только что проторенными прямо по посевам, поднимаются, заливаясь под знойным ветром, столбы пыли; справа в углу, так же одетая по борта пылью, на полной скорости проходит машина с пушкой на прицепе и расчетом... Все это лишь пролог, предисловие, мужественный рассказ об армии, отступающей под ударами противника. Сила, высокое вдохновение картины не в этом летописном фоне, а в фигуре молодого солдата, который шагает из центра картины прямо на зрителя. Серые от пыли башмаки и обмотки, пробитый штыком или пулей рукав вылинявшей гимнастерки — там, где он вздувается у локтя; на груди солдата автомат, каску он несет в левой руке, голова не покрыта, и потные русые волосы прилипли ко лбу. Он занес и сейчас поставит ногу — и легко представить, как день за днем месил он эту жаркую, размолотую колесами и подошвами дорогу, как сейчас он сделает еще шаг, а потом еще и еще, столько, сколько понадобится — до конца, до последнего привала. Лицо его чуть приподнято кверху, вероятно, подана команда «Воздух!»,— и на этом лице, загорелом, с капельками пота, написаны злость, усталость и неистребимая, неискоренимая жажда драки. Это не боец такого-то взвода и роты, это сама жизнь, выкованная из железных мускулов, выплавленная из жаркой крови, жизнь, одухотворенная оптимистической работой мысли, не боящаяся и не признающая смерти, верящая в свое конечное торжество!..

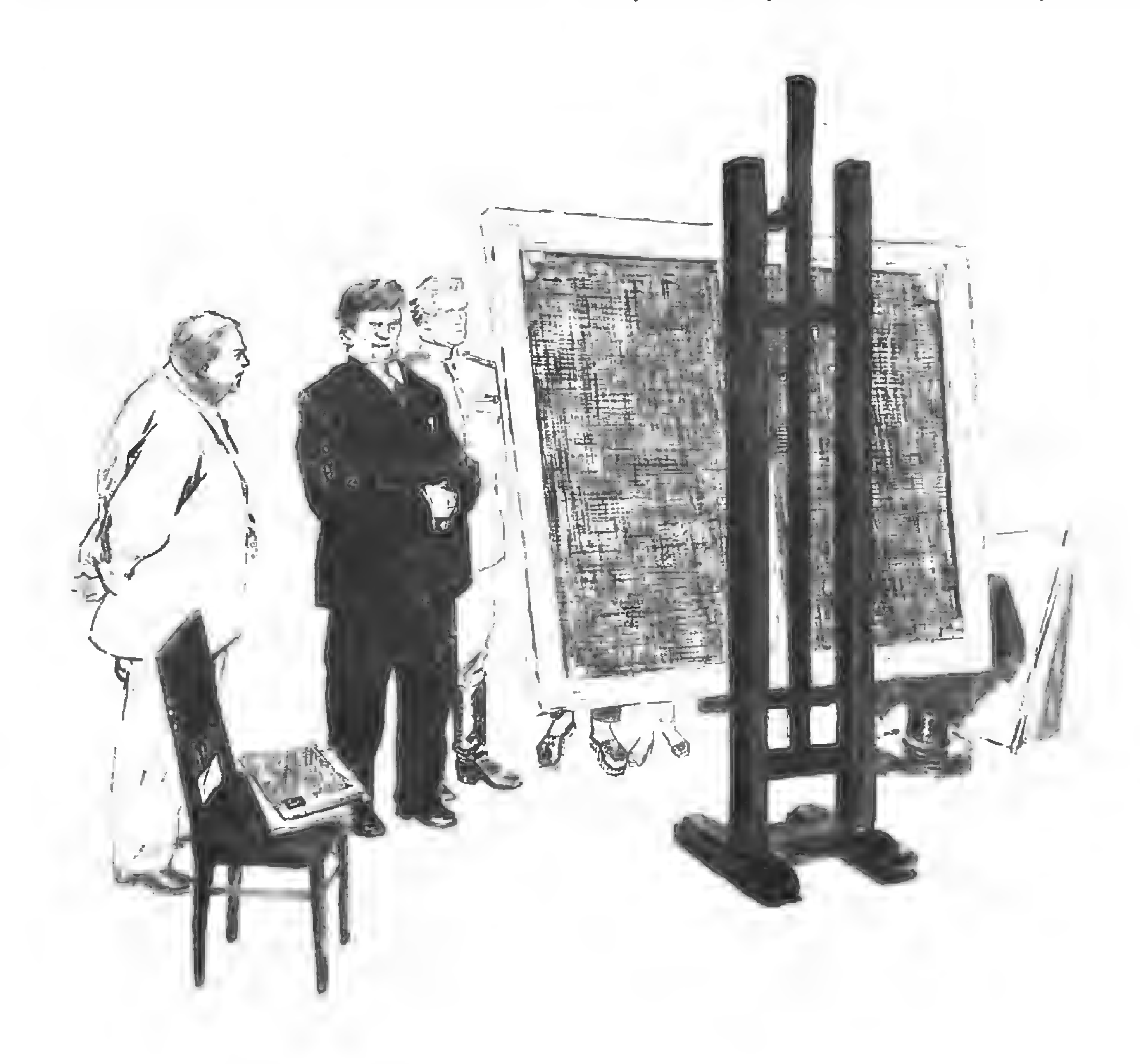
На вернисаже, где впервые была выставлена картина «Отступление», к Подсекину подошел пожилой человек без ноги, на протезе, и сказал:

— Может быть, я мало понимаю в живописи, но это мне понятно... Извините, но мне плакать хочется от радости за такого человека... Вам приходилось когда-нибудь испытывать страх и беспомощность утопающего? Нет? А я в детстве пробовал... Сначала, когда еще силы не оставили, кричал, а потом перестал: к чему, когда кругом ни одной живой души? Только сойка кричит на раките — хрипло так, жутковато, словно ее режут... А у меня губы свело, вместо сердца пустота, и холод поднимается снизу, вроде живым в могилу закапывают. И вдруг девушка, этакая русоволосая красавица, лет на десять старше меня... Бросается она в воду прямо в своем холстинковом платье и тащит меня самым бесцеремонным образом — за волосы... А я и боюсь еще, не верю и уже ликую... Ваш этот солдат тоже спасает. Жестковато он это делает, может быть, не за волосы, а прямо за сердце тащит, но тащит, спасает! И за это низкий поклон и спасибо...

После этого Подсекин написал еще ряд картин, среди них были и неплохие, но «Отступление» оставалось вершиной. Год назад он заперся на даче, перестал появляться в гостях у городских знакомых — все говорили, что он много работает. Понятно поэтому, с каким интересом входили в студию Мукомолов, Рогов и даже супруги Хохолковы.

— Прошу! — отдернул Подсекин портьеру на дверях.— Страшен суд просвещенных масс, да милостив...

Сразу же бросалось в глаза, что художник действительно много поработал: в студии было даже как бы тесновато от новых полотен, и некоторые из них за недостатком места стояли прислоненные одно к другому. Но всех их подавляла и оттесняла намеренно поставленная в центре большая, в половину стены, картина, выдержанная в желтых и коричнева-

тых тонах. Дождливое осеннее поле с одинокой березкой на первом плане, полураздетой и ссутулившейся; рядом с ней, полуогибая ее, тянется тропинка, по которой, очевидно, давно не ступала нога человека,— она засыпана жухлыми, коричневыми листьями и упирается в сломанную и полусгнившую вершину сосны; белая кора содрана с березы до уровня груди, и кажется, что она больна гангреной, поднимающейся от корней к вершине, все выше и выше; вечереет, небо затянуто пеленой сероватых низких облаков, лишь из-за дальних холмов пробивается вялый и безжизненный, словно пропущенный сквозь промасленную бумагу луч солнца; он-то и порождает эти неяркие, болезненные тона... Но поражала в картине не случайность сюжета и не краски, а какая-то неуловимая в частностях, но явно проступающая в целом безликость предметов: кроме содранной коры, березка не имела никаких своих неповторимых примет, одинаково свойственных каждому живому дереву и каждой былинке; вершина сосны не рассказывала никакой истории и напоминала только о том, что на свете существует валежник. И каждая деталь в картине жила сама по себе и сама для себя. Происходило это, вероятно, потому, что художник, завороженный своим формальным мастерством, без конца выписывал и выписывал эти детали, прибавляя все новые и новые штрихи, и в итоге не воссоздавал, а дробил целое. В результате от полотна веяло ледяным равнодушием и безразличием; казалось, предметы говорили: вот ты увидел нас в этом сочетании, мог бы увидеть в ином, но это ничего не значит, ты устал, и тебе все равно, так ступай и оставь нас, чуждых тебе и друг другу, со своей судьбой...

— Ну? — спросил Подсекин, глядя в лицо Мукомолову, когда осмотр был закончен.— Бери свои скорпионовы жала и приступай к делу...

— Не спеши раньше времени в пекло,— в тон художнику ответил Мукомолов.— Дай посмотреть остальное...

Однако и другие картины, меньшие по размерам, не рассеяли общего тягостного чувства... Роща с клином пшеницы у опушки, и над ней серые низкие облака... Кусок реки с ивой над омутом в сером, похожем на ватин тумане... Дуб на холме, и опять низкие серые облака, обещающие не грозу, а нудный осенний дождь... И всюду та же тщательность отделки и безликость деталей, тот же холод и равнодушие, словно между сердцем художника и полотном специально поставили плотную изоляцию и ни одна капля душевного тепла не пробилась на холст.

— Что ж, Борис, работа проделана огромная,— заявил Мукомолов, когда была отставлена в сторону последняя картина.— Любопытная во многом и вызывающая размышления... Но разговор это серьезный и долгий... Может быть, позднее начнем его, а?

— Тезисы подрабатываешь? Понимаю! — усмехнулся Подсекин.— А вот Рогову тезисы не нужны, ремень затянул — и в атаку!

— Разобраться в дислокации никому не вредно,— смущенно ответил на вызов полковник.— Может быть, в самом деле сначала пообедать?

— А ведь это, в конце концов, элементарно нечестно,— обиделся Подсекин.— Подловато даже, если хотите... По физиономиям вижу, что похвал мне не дождаться, так чего же вы тянете и мнетесь? Я понимаю Мукомолова: он, как бухгалтер, подводит баланс, чтобы все сошлось копейка в копейку, чтобы против каждого «за» стояло «против». А ты-то, полковник, что галопируешь на месте?

— Не хотел тебе аппетит портить... Но, если на то пошло, скажу откровенно: картина мне твоя не понравилась... Ни по содержанию, ни по исполнению. Ты давно отдыхал?

— Какое это имеет отношение к искусству?

— Имеет!.. По-моему, ты устал или, как танковый мотор, выработал весь ресурс — не знаю. Я люблю мастеров Возрождения за то, что в их работах бушует жизнь, презирающая самоограничение святош и самокопание мещан. Люблю Горького за то, что он, вскрывая нарывы и прижигая язвы, борется за нового человека и яркую, полнокровную жизнь... А за что борешься ты, что хочешь сказать человеку, какие добрые мысли разбудить и в какой вере укрепить? Если самый нормальный и жизнедеятельный человек повесит твою картину в комнате и будет каждый день на нее смотреть хоть по нескольку минут, он станет меланхоликом и сопьется от тоски. «Все равно в конце вот это умирание и пустота»,— скажет он себе однажды и махнет на все рукой...

— Тебе надо на каждую картину по солдату поставить,— зло усмехнулся Подсекин.— Ать-два, ать-два — и все в порядке! Так, что ли?

— Не юродствуй, Борис! — тихо и серьезно сказал полковник.

— А ты не солдафонствуй в искусстве!..

Сказав последнюю фразу, даже не сказав, а выкрикнув в запальчивости, Подсекин спохватился, но было уже поздно. В студии нависло угрожающее молчание, и все услышали за стеной подавленные рыдания Зои Семеновны: она, желая присутствовать хотя бы незримо на торжестве мужа, стояла за портьерой и слышала все. Хорошенькая Хохолкова тоже всхлипнула и побежала утешать Подсекину. Полковник подумал, посмотрел на часы и, коротко бросив: «Простите, я запаздываю, а меня ждут»,— вышел. Хлопнула калитка, и, обернувшись и поглядев в окошко, все увидели, что он быстро идет по тропинке к станции электрички.

— Верните его, Борис Борисович,— посоветовал композитор.

— Не твое дело! — огрызнулся Подсекин.— Занимайся своими перепевками и не мешайся в чужие дела...

— Я о любви пишу! — обиделся композитор, но обиделся неуверенно и нерешительно.— Это нужно...

— И пиши... А пока иди и займись женщинами...

Хохолков пожал плечами и ушел.

— Выкладывай теперь ты,— повернулся художник к Мукомолову.— Обеда в такой ситуации скоро не получишь...

— Видишь ли, Борис, полковник, конечно, переборщил, кое-чего недопонял, но это значит, что может быть и такая точка зрения на твои картины, это ты должен учесть... В общем, иди-ка ты успокой жену, а поговорим попозже... Вот пообедаем и поговорим. Иди, а я тут около дома поброжу...

Мукомолов и в самом деле некоторое время топтался возле клумб, сорвал, размял в пальцах и бросил в траву цветок, даже не заметив, какой он... «Что же я ему скажу? — мучительно думал он.— Что это — повторение старых мотивов и приемов, надлом, пустота? Немыслимо! Безусловно, написано оригинально, но смысл-то, смысл?..» Возле соседней дачи Мукомолов увидел такси с зеленым огоньком, таким задумчивым и словно бы успокаивающим, и это решило все: он бесшумно открыл калитку, спросил у шофера, свободен ли он, и, захлопнув дверцу, обрадованно приказал:

— В Москву!

В машине он спохватился, что оставил на даче шляпу, но только махнул рукой: «Черт с ней, со шляпой, в такой катавасии и голову свихнешь!..» Потом поймал себя на том, что и на этот раз побоялся сказать правду, и поморщился от гадливого чувства. Но прошло и это. Под капот машины летел асфальт, а он сидел и глядел перед собой в одну точку, глядел и не понимал, зачем это делает. А когда понял, вздрогнул: в вихре воздуха за идущей впереди машиной подскакивал, приплясывал и тащился по дороге березовый лист. Он был еще почти зеленым, но уже мертвым,— его сорвала не осень, а подпилил червь, но он все еще хотел казаться живым...

Критик поежился и нервно бросил шоферу:

— Прибавь ходу... Обгоняй!

Надпись на каменной плите

На правом, живописном берегу реки Вори (приток Клязьмы), недалеко от Старо-Владимирской дороги, находилась когда-то усадьба известного масона И. В. Лопухина, возникшая во второй половине XVIII века. В настоящее время от усадьбы сохранились только большой парк да заросшие пруды, вырытые руками крепостных мужиков.

Еще в 1940 году я с группой учащихся был на одном из искусственных островов самого большого пруда, и там, под высокой сосной, мы обнаружили какой-то предмет, поросший грибками и мхом. Удалив наслоения, мы увидели отшлифованную плиту со следующими надписями:

«Квирин Кульман, как еретик измучен и сожжен в Москве в 1689 году».

«Прохожий! Вздохни о страдальце: благословляй просвещение, рассыпавшее мрак лютости времен оных; и учись осторожным быть в самом стремлении к истине».

О Квирине Кульмане писал Алексей Толстой в своем романе «Петр Первый», и я тогда же сообщил писателю о находке. Толстой не замедлил с ответом. «Ваша находка,— писал он,— чрезвычайно интересна для истории германской литературы, так как Квирин Кульман — крупный немецкий поэт XVII века. Он впал в мистицизм, был изгнан из Вены за неистовость и кончил жизнь на костре в Москве, по приказу царевны Софьи. Подробные биографические сведения о нем я сообщу вам в ближайшее время. Будьте осторожны с раскопками, не сдвигайте плиту с места. Можно предположить, что она положена там, где похоронены останки Кульмана, или — на месте его сожжения. Находка эта, повторяю, очень ценная. Примите мой привет. Депутат Верховного Совета СССР, Академик Алексей Толстой. 3/IX—40 года».

Затем А. Толстой сообщил, что Кульман стал с 23 лет проповедовать теософские взгляды, за что подвергся преследованиям. В 1678 году он сделал попытку обратить в свое учение султана и турок, но был наказан, по преданию, ста ударами палок по пяткам.

В 1689 году он приехал в Москву. Московский пастор Майнине донес о нем как о еретике. Кульмана пытали в застенке, «было ему двадцать ударов и клещами жжен». Из других документов известно, что Кульмана как ложного пророка привели из заключения на обширную площадь, где был приготовлен сруб, обложенный снопами соломы и смоляными бочками. Здесь его предали огню. Это была последняя казнь в Москве сожжением на костре.

Мистик Лопухин почтил память своего единомышленника Кульмана, установив в своей усадьбе мемориальную плиту.

А. СМИРНОВ,
директор краеведческого музея.

Мемориальная плита, хранящаяся в Ногинском краеведческом музее.

Фото Г. Третьякова.

Побережье

Михаил ДУДИН

* * *

Опять плечо горы-громады
Выносит медную луну.
Сухая ночь. Трещат цикады,
Ночную точат тишину.

Опять в ночи на берег плоский
Лениво катится волна.
И свежий ветер бьется в доски,
В пролет открытого окна.

Душа светла, и мир громаден.
И вечны суша и вода.
Раскатами каленых ядер
Гудят прошедшие года.

Идет соленых волн атака
У сонных гор в полукольце.
И конский запах бивуака
В полынном бродит чебреце.

Сухая ночь. Вода и воздух.
Дорожки лунной медный след.
Мир гор и волн морских
громоздок,
И неожиданен рассвет.

Он по волне идет на сушу.
А жизнь открыта и вольна.
Опять обкатывает душу,
Как гальку, вечная волна.

* * *

Сегодня утро обещает
К полудню ливень и грозу,
Хоть море Черное меняет
Ультрамарин на бирюзу.

Волна к волне — вскипают
гребни,
Они идут наискосок
И пену стряхивают в щебне
На мелкий камень и песок.

Их бег по мокрой гальке
спешен,
Ускорен осыпью крутой.
Сухой долины воздух смешан
С морскою влажной духотой.

Над бухтой серым великаном
Стоит гора Сюрю-кая,
И обвиваются туманом
Ее зубчатые края.

Туман ползет, клубится в тучу
И закрывает острия.
И первой молнии на кручу
Летит змеистая струя.

* * *

Есть под Москвою речка Нýдаль,
Поджигорóдово — село.
И не оттуда ль, не оттуда ль
Мне машет юности крыло!

Сквозь листья кленов дождик
частый
С умытым солнцем пополам.
И в этот день простое счастье,
Как солнце, улыбалось нам.

Я этот миг навек запомнил
На том пригорке, в том краю,
Как он вошел, как он заполнил,
Переиначил жизнь мою.

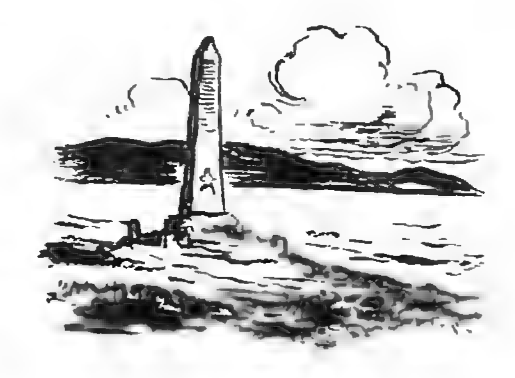
И было ничего не страшно
С тех пор на белом свете мне:
День завтрашний и день
вчерашний,
Война в железе и огне,

И даже в страшную минуту,
Когда сжимала смерть кольцо,
Мне улыбалось почему-то
Сквозь частый дождь твое лицо.

Ты не показываешь вида,
Но я-то знаю по глазам:
Есть у тебя в душе обида.
За что, не понимаю сам.

А день встает в звонках и
звонах.
Отчаиваться не спеши;
Припомни дождь сквозь солнце
в кленах,—
Он смоет грусть с твоей души.

* * *

Сквозь солнце ливень.
На дороге
Прибита каменная пыль.
Лиловы голых гор отроги.
Полынный воздух влажен.
Штиль.

А мне все слышится смолистый
Тротила горький перегар.
...Морской десант идет на
приступ
К феодосийским берегам.

Сплошной огонь гудит
по склону,
Над взморьем чайки не парят.
Пять суток держит оборону
Прижатый к берегу отряд.

Матрос последний к автомату
Последний заряжает диск.
...Лишь время начертало дату
На безымянный обелиск.

Сорвал я мальвы с дикой мятой,
И положил на желтый склон,
И взял себе на память смятый,
Покрытый окисью патрон.

* * *

Здесь жизнь проста и не
тревожна,
Но скрытый ход ее не прост,
И обо всем подумать можно
При свете августовских звезд.

Ты крепко спишь. Не ловит
слух твой,
Как дышат волны и земля,
Как барражируют над бухтой
Два реактивных корабля.

Ты крепко спишь в своей
кровати
И даже, может быть, во сне
Не видишь, как дозорный катер
Скользит по взмыленной волне.

Ты спишь. А ветер гонит свежий
Крутые волны на Синоп.
На горизонте полночь режет
Прямого света бьющий сноп.

Ты спишь. Лениво бредит море
У пирса пенной бахромой.
У снов твоих стоит в дозоре
Бессонных глаз прищур прямой.

* * *

Для тех, кто жизнь приемлет
праздно,
И море — только водоем,
Но нет, оно многообразно
В однообразии своем.

Оно от края и до края,
Вскипая пеной на косе,
Шумит, меняясь и мелькая,
В своей полуденной красе.

Оно под стать, в соленой пене
Всегда снующее у ног,
Непрекращающейся смене
Моих сомнений и тревог.

Оно подходит вал за валом,
Оно зовет, оно поет.
Оно на гребне небывалом
Сулит и мне высокий взлет.

Оно отрадой входит в душу,
Берет и валит наповал.
И где-то там идет на сушу
Моей любви девятый вал.

* * *

А. Смердову

Мечта жива, а жизнь упряма,
И жизни вечный непокой
Душе любезного Хаяма
Вдруг открывается строкой.

Я знал любовь. Я пел, и спорил,
И удивлялся каждый раз
В смятенье, в радости и в горе
Живому блеску милых глаз,

Цветам, и птицам, и страницам
Любимых книг, и вам, друзья,—
Всему, к чему душа стремится
И без чего прожить нельзя.

Под стать огню, подобно
вспышкам,
Упрямой жаждою влеком,
Я жадно жил, и даже слишком,
Всем пылом сердца — целиком.

Жизнь — бесконечное горенье
В глубинах скрытого огня.
Где оборвется удивленье,
Там будет гибель для меня.

И если смерть придет
с победой,
Скажи, мой друг, когда умру:
— Он жизнь любил, он радость
ведал,
Он на земном бывал пиру.

* * *

Стоит луна у кромки мола,
Латунный свет на море льет.
На балюстраде радиола
Цыганским голосом поет;

Поет, звенит струной гитары,
Грусть на иголку накрутив.
И кружит, кружит, кружит пары
Пустой, заигранный мотив.

А горы спят. Они притихли.
И камни дышат горячо.
Тебе легко кружиться в вихре,
Закинув косу за плечо.

Тебе легко. Душа открыта.
И с каждым кругом веселей!
Чуть слышно цокают копыта
На скрытых тропах патрулей.

Тебе легко. И сердце просит
Веселья доли непростой.
Легчайший ветерок доносит
Густой иодистый настой.

А завтра новый день нагрянет
Над пограничною тропой.
...И я, как ты, живу на грани
Тревог и радости скупой.

Рисунки В. Высоцкого.

ГДР В ЛЕСАХ СТРОЙКИ

Гейнц ВИНКЛЕР,
министр строительства Германской Демократической Республики

Корреспондент «Огонька» попросил министра строительства ГДР, члена Христианско-демократического союза Г. Винклера, недавно побывавшего в Москве, рассказать, над чем трудятся строители республики, поделиться впечатлениями о советских стройках.

Главной задачей, которая прежде всего встала перед строителями ГДР, было восстановление того, что разрушила и уничтожила война. Правительство образованной шесть лет назад Германской Демократической Республики предприняло широкие плановые восстановительные работы.

Сотни тысяч людей в республике стали строителями. Это сейчас один из самых многочисленных отрядов рабочего класса в ГДР. Одних только квалифицированных рабочих в наших крупных строительных государственных организациях около 350 тысяч. Самое широкое участие в восстановительных работах приняло население сел и городов.

В первое время было много споров, как строить, что восстанавливать. Были сторонники точного восстановления разрушенного, возведения архитектурных копий былого. Это было неверно. В прежней Германии наряду с замечательными архитектурными ансамблями имелось много устаревших построек, казарменного типа зданий, тесных, неудобных «доходных» домов. Иные ратовали за полную модернизацию, считали излишеством восстанавливать разрушенные дворцы и другие творения наших знаменитых зодчих. Но германскому народу дороги эти памятники как проявление национального гения, как непреходящие культурные ценности. И правительство ГДР при поддержке населения приняло решение: восстановить, как это ни трудно, наиболее ценные архитектурные памятники и наряду с этим создать, опираясь на национальные зодческие традиции, дома в новом немецком архитектурном стиле.

Обе эти задачи решаются. В Берлине восстановлены в первоначальном виде такие замечательные здания, как Красная ратуша, как Линденопер. Восстановлен католический кафедральный собор св. Гедвиги — одно из монументальных сооружений второй половины XVIII века. В Дрездене, который наши классики называли «Флоренцией на Эльбе», восстановлены знаменитые павильоны Цвингера, где вскоре вновь обретут свое старое место полотна Дрезденского собрания, дворец Большого парка, замечательная церковь «Хофкирхе».

По плану нашей первой пятилетки только в больших городах мы должны ввести в эксплуатацию около 10 миллионов квадратных метров новой жилой площади. Эти планы выполняются. В ряде случаев (правда, далеко не всегда) нашим архитекторам удалось создать отличные образцы нового градостроительства. В городах Ростоке, Карл-Маркс-штадте, отчасти в Дрездене созданы архитектурные ансамбли, которые успешно решают задачу утверждения нового национального немецкого стиля.

В нынешнем году особенно широко развернулось строительство в деревне. Здесь сооружается около 16 тысяч объектов — поселки при МТС, фермы для сельскохозяйственных производственных кооперативов, дома для крестьян.

В республике идет большое промышленное строительство. Наша республика должна была не только восстановить разрушенные предприятия, но и вновь создать целые отрасли промышленности. По пятилетнему плану объем промышленной продукции должен удвоиться по сравнению с 1936 годом.

Шесть лет назад, когда была основана ГДР, у нас было очень мало металла. Прежде всего предстояло восстановить и построить металлургические заводы. Строители ГДР гордятся темпами, достигнутыми на строительстве нашей восточной металлургической базы. В первый день первой пятилетки возле Франкфурта-на-Одере, близ польско-германской границы, был заложен фундамент первой домны металлургического комбината «Ост». Домна была выстроена раньше срока. Сейчас здесь вырос металлургический комбинат имени Сталина площадью в 12 квадратных километров.

В западной части ГДР, на реке Заале, построен металлургический завод «Вест». Действуют восстановленные и вновь построенные металлургические заводы в Ризе, Макс-Хютте, Бранденбурге и в других городах республики.

Для развития металлургической промышленности требовался кокс. Коксующихся углей на территории ГДР очень мало. Но ГДР занимает первое место в мире по добыче бурого угля. Наши ученые профессор Раммлер и доктор Билькенрот первыми в мире разработали способ получения металлургического кокса из бурого угля. Строители в короткий срок возвели крупный коксовый завод имени Матиаса Ракоши в Лауххаммере.

Строители республики успешно поработали над реконструкцией и строительством заводов тяжелого машиностроения. Эта отрасль тоже была недостаточно развита на территории ГДР. Сооружены и реконструированы десятки крупных предприятий тяжелой промышленности. Они выпускают большие станки, мощные дизельные моторы, тяжелые экскаваторы, турбогенераторы, оборудование для доменных печей, для горнорудной промышленности, для автомобильных и химических заводов и т. д.

В довоенной Германии судостроительная промышленность сосредоточивалась на побережье Северного моря. Сейчас на территории ГДР, на Балтийском побережье, создана большая судостроительная промышленность, в которой занято около 50 тысяч рабочих. Созданы вполне современные предприятия, на которых идет строительство и ремонт океанских кораблей. На Варноверфи выстроен самый большой в Европе судостроительный цех.

В ГДР идет большое гидротехническое строительство. Часть наших городов в Тюрингии, Саксонии, Саксонии-Ангальт еще с начала нынешнего века начала испытывать недостаток в воде. Для водоснабжения большого промышленного района, над которым господствуют Рудные горы, где берет начало большинство рек страны, строятся десятки плотин и водохранилищ. Сооружается крупнейший гидротехнический комплекс из плотин и водохранилищ на склонах Гарца, в районе реки Боде. Плотины также предохранили от затопления Лейпциг и другие города во время катастрофических прошлогодних разливов.

Сейчас основное внимание строителей сосредоточено на сооружении мощных теплоцентралей. Как в годы двухлетки (1949—1950), которая предшествовала первой пятилетке, так и сейчас над этими наиболее ударными стройками взяла шефство молодежь. В частности, силами Союза свободной немецкой молодежи сооружается огромная электростанция в деревне Траттендорф, на берегу Шпрее. Мощность только первых двух очередей ее — 450 тысяч киловатт. В августе положено основание новому социалистическому городу в Гойерсверде. Здесь будут жить строители сооружаемого гигантского коксового комбината «Шварце пумпе».

Когда будет ликвидировано расчленение Германии, наши братья, что живут к западу от Эльбы, не узнают восточные районы Германии — так замечательно преобразились они за эти годы.

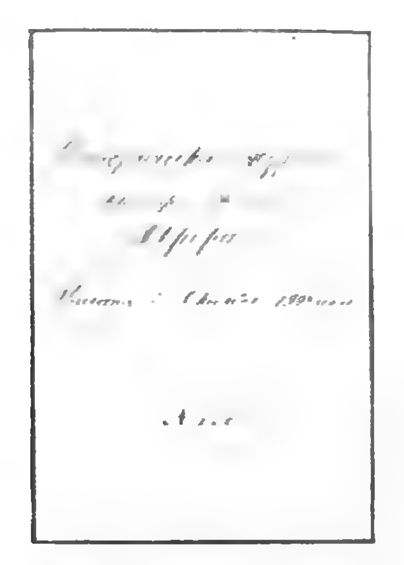
Мы знаем, что в Германской Федеральной Республике тоже идет большое строительство. К сожалению, контакта с нашими коллегами — строителями из ГФР — нет. А мы смогли бы поделиться накопленным опытом, в частности опытом градостроительства, в котором сочетаются национальные традиции с современными требованиями гигиены и комфорта. Мы знаем, например, что во Франкфурте-на-Майне, в Западном Берлине отходят от национальных традиций зодчества, и творческий обмен опытом, творческая дискуссия с нашими коллегами были бы, я думаю, весьма полезны.

На наши стройки приезжали строители Москвы и Варшавы; они учили нас русскому размаху, варшавским темпам. Теперь мы, группа руководящих работников министерства, побывали в СССР. Я знаю, что в Советском Союзе не любят комплиментов, что советские строители подвергают свою работу суровой критике. Но то, что я увидел здесь, побывав на стройках Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Ростова, Тбилиси и Рустави, буквально поразило меня. Темпы сборки крупнопанельных и крупноблочных домов на Хорошевском шоссе, на Песчаных улицах фантастичны. Мне понравилась работа проектирующих организаций. Проекты зданий предусматривают и технологию строительства, которую не надо искать на строительной площадке. Похвалы заслуживают успехи в индустриализации строительного дела, в создании заводов сборного железобетона.

Есть, конечно, у меня и критические замечания. Они относятся главным образом к архитектурному оформлению. Оно отстает от технических решений, недостаточно использует те возможности, которые приносят новые строительные материалы. Я видел здания, сооружаемые из крупных железобетонных плит. Их фасадные плоскости зачем-то искусственно дробятся. Создается впечатление, что здания эти сложены из мелких элементов, из кирпичей. Гонятся некоторые строители и за ложной монументальностью. В Ленинграде, например, я видел строящееся здание, стены которого вдвое толще того, чем требуется по техническим условиям. Недостаточно высоко в ряде случаев качество оконных рам и дверей. Стоило бы использовать наш опыт по изготовлению этих деталей из пластмассы.

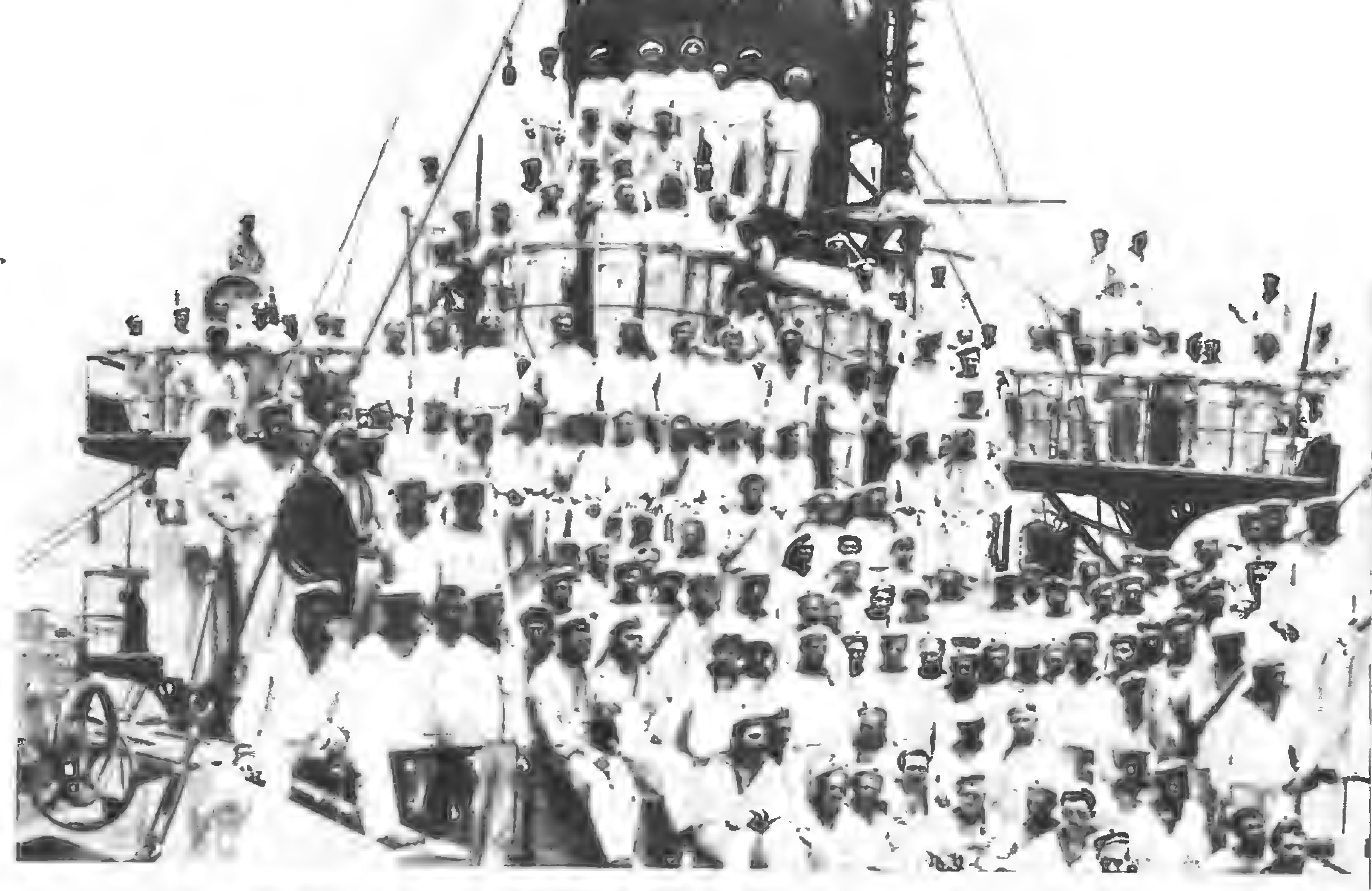
Из того, что мне особо понравилось, хочу отметить сооружаемое сейчас здание универмага «Детский мир» в Москве, сооружения в Рустави, как заводские, так и жилые: в них удачно сочетаются современные мотивы и национальный колорит.

Непосредственное знакомство с практикой советских строителей поможет нам, руководителям строительного дела в ГДР, еще шире и лучше повести дело восстановления и сооружения нового в нашей республике.

Первый лист «Исторического журнала крейсера «Аврора».

ЖУРНАЛ КРЕЙСЕРА „АВРОРА"

Команда крейсера «Аврора». Снимок из «Исторического журнала».

Крейсер «Аврора» в походе.

Недавно в Государственную публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина поступила интересная рукопись, случайно приобретенная на рынке в Таллине.

Это «Исторический журнал крейсера «Аврора». Его вели офицеры корабля с 2 (15) октября 1904 года до 20 февраля (5 марта) 1906 года, во время похода крейсера на Дальний Восток и обратно.

Рукопись переплетена, в ней 156 листов с многочисленными фотоснимками и иллюстрированными открытками. Ряд записей в журнале сделан командиром корабля капитаном первого ранга Евгением Романовичем Егорьевым, погибшим в Цусимском бою.

Исторический журнал похож на своеобразный дневник, освещающий наиболее важные факты и периоды в походах.

2 октября 1904 года крейсер «Аврора» вместе с другими судами второй Тихоокеанской эскадры вышел из Либавского порта. Эскадра двигалась четырьмя эшелонами. Во главе кильватерной колонны одного из них шел крейсер «Аврора». Начался полугодовой поход на Дальний Восток вокруг Африки.

В журнале мы находим фотографии и описание традиционного праздника перехода через экватор с полагающимся маскарадом. 26 марта 1905 года эскадра прошла Сингапурский пролив. Утром 14 мая к югу от острова Цусима произошла первая встреча с японским крейсером-разведчиком «Идзуми». «Исторический журнал» дает детальную фактическую картину Цусимского боя. На пяти страницах, час за часом, описана неравная борьба в невыгодных для русских кораблей условиях...

В крейсер «Аврора» попало 18 снарядов, нанесших тяжелые повреждения. «Осколками снаряда,— читаем запись,— был убит на «Авроре» командир». На другой день после выхода корабля из боя на «Аврору» прибыл штаб эскадры. «Аврора», а за ней корабли «Олег» и «Жемчуг» пошли в Манилу. До 7 октября корабли ремонтировались, и 15 октября «Аврора» вышла в обратный путь в Россию.

Запись в журнале от 4 декабря лаконично сообщает о том, что на корабле «Цесаревич», находившемся в водах Индийского океана, готовилось восстание мат-
перехода корабля из Коломбо в Джибути. 30 матросов были сняты с корабля и высажены в Коломбо, а затем отправлены в Россию. Революционные бури 1905 года докатывались до всех районов, где плавали русские моряки. Летописец крейсера «Аврора» отметил в журнале настроение матросов своего корабля: «С некоторых пор среди команды наблюдается брожение...»

Обратный путь в Россию «Аврора» совершила через Средиземное море и 20 февраля вернулась в Либавский порт.

«Исторический журнал крейсера «Аврора», поступивший в рукописные фонды Публичной библиотеки, привлек внимание историков и писателей. Над журналом работает доктор военно-морских наук профессор В. Е. Егорьев, сын командира крейсера «Аврора».

С. БАБИНЦЕВ

Помощник командира «Авроры» капитан II ранга Т. И. Липатов, руководивший в 1917 году большевистской организацией крейсера, и А. В. Белышев, бывший комиссар «Авроры», знакомятся с «Историческим журналом».

Фото Н. Ананьева.

Праздник перехода через экватор.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

И. ОДИНГ,
член-корреспондент Академии наук СССР

Тысячи заводов страны выпускают сотни тысяч разнообразных машин. Сойдя с конвейера, эти машины начинают работу на колхозных полях, на электростанциях и железных дорогах, на стройках, на заводах и фабриках. У каждой из них своя жизнь, свои обязанности. Одни вгрызаются в землю, другие пробегают ежедневно сотни километров по дорогам, третьи штурмуют воздушные высоты.

В самых разнообразных условиях, подчас очень тяжелых, протекает работа машин. Им приходится выдерживать низкие и высокие температуры, большие скорости, огромные давления. С газовыми потоками, нагретыми до сотен и тысяч градусов, имеют дело строители газовых турбин и реактивных двигателей. Низкие температуры нужны в холодильной промышленности.

От чего же зависит долговечность отдельных деталей, а значит, и всей машины в целом? От прочности материала, из которого сделаны эти машины и их части, от их способности переносить жару или холод, самые разные виды нагрузок, вредное действие среды. За последние полвека прочность материалов выросла во много раз. Результат: машины стали мощнее, быстроходнее и в то же время легче. Например, за прошедшие полстолетия паротурбинные установки электростанций стали весить меньше в 25 раз, дизельмотор — в 250! Появились материалы не только прочные, но и легкие. В этом огромная заслуга металлургов, металловедов, создателей новых сплавов.

Однако, как ни велики достижения современной металлургии, жизнь предъявляет к ней все новые и новые требования.

За последние годы советские машиностроители получили много новых стальных сплавов и дешевый сверхпрочный чугун. Ученые давно пытались увеличить прочность чугуна. Его отжигали, добавляли различные присадки, и все же только последние годы принесли решительный успех. Получен сверхпрочный чугун — дешевый материал, который конструктор может использовать теперь даже для таких ответственных деталей, как коленчатые валы, шестерни, шатуны, части автомобиля.

В чугуне содержится графит. Графитовые пластинки были слабым местом, мешавшим чугуну заменить сталь. Из него нельзя было сделать крупную отливку, не боясь, что не хватит прочности. Тогда решили попробовать чугун упрочнить с самого момента его рождения — в литье. Туда добавили магний, и пластинки графита приобрели другую форму. Они перестали быть опасными. Чугун стал прочнее в пять раз! За крупные отливки теперь можно не бояться. Литой чугунный вал быстроходного двигателя работает не хуже стального. Экономия во всем — в материале, труде.

Дальнейшее развитие получает металлургия высококачественных марок стали. Небольшие добавки некоторых химических элементов способны придавать стальным сплавам такие нужные нам качества, как жароустойчивость, стойкость против износа и другие. Сплав изготовляется как бы по заказу. Свойства сплавов можно менять, чего нельзя сказать о входящих в них металлах. Так готовятся материалы для турбин, реактивных двигателей, химической и электротехнической аппаратуры. Не зря редкие металлы называют сейчас «витаминами сплавов».

Названия некоторых добавок вошли в имена, присвоенные различным сортам стали: ванадиевая, вольфрамовая, молибденовая. Вольфраму обязаны своим существованием стальные резцы — быстрорезы. Без молибдена не было бы жаропрочных материалов, значит, реактивных двигателей, газовых турбин. Легирующие элементы участвовали в поединке брони и снаряда, они помогли создать бронебойную и броневую сталь. Ничтожные добавки позволяют резко улучшить свойства стали или чугуна, из которых изготовляют части машин.

Огромный спрос на новые материалы выдвинула авиация сегодняшнего дня, подошедшая к преодолению «теплового барьера». Самолетам при скорости свыше 2 500 километров в час придется иметь дело с температурными трудностями. Фюзеляж и крылья нагреются до 250 градусов. Алюминиевые и магниевые же сплавы теряют прочность при температуре уже около 150 градусов. Весьма чувствительны к повышению температуры фонари кабин, детали из резины и другие части самолета. А что же произойдет с ракетами, скорость движения которых будет значительно выше? Даже самые тугоплавкие металлы нельзя будет использовать. Молибден, например, плавится при 2 625 градусах, а окисляется при 650. По этой же причине — окисление на воздухе при сравнительно невысоких температурах — не могут быть применены в чистом виде вольфрам, ниобий, тантал.

Особый интерес поэтому для современной техники и авиации в первую очередь представляют металлокерамика, минералокерамика, титан и его соединения.

Одним из важнейших металлов будущего суждено, видимо, стать титану. Он не менее прочен, чем сталь, но вдвое легче ее. Как и платине, ему не страшны вода и даже кислоты. Поэтому он будет незаменим в кораблестроении, в создании морских сооружений и химической промышленности. Легкий, прочный, твердый, тугоплавкий — таков этот новый материал, и понятно, почему он привлекает все большее внимание самолетостроителей. Можно предполагать, что самолет со временем на четыре пятых сможет состоять из титана. Добыча его растет с каждым годом. В США уже налажено его промышленное получение.

Большое значение имеют соединения титана с углеродом — карбиды титана. Это основная часть сверхтвердых сплавов. Температура их плавления превышает 3 000 градусов. Они не теряют механическую прочность при нагреве до 1 200 градусов. Связанный с некоторыми другими соединениями, карбид титана идет на производство лопаток газовых турбин. Из титановых сплавов делаются различные детали.

Одновременно с титаном все более широкое использование находят редкие элементы менделеевской таблицы. Цирконий, запасы которого вдвое больше запасов меди, обладает очень высокой антикоррозийностью и температурой плавления около 4 500 градусов. Не удивительно поэтому, что он нашел применение в атомных реакторах.

Небольшие добавки некоторых из этих элементов существенно меняют свойства многих металлов. Почти вдвое понижается точка замерзания ртути, если к ней присоединить таллий. Это важно для изготовления ртутных переключателей и затворок, работающих при низких температурах.

Намного увеличивается срок службы освинцованных кабелей, если к свинцу добавить лишь десятую долю процента теллурия.

Новые важные для машиностроителей свойства приобретают металлы, полученные прессованием и спеканием порошков. На крупном самолете несколько тысяч деталей изготовлены способами порошковой металлургии — металлокерамики.

Интересно, что спеканием металлических порошков удается получить пористые материалы именно такого типа, какой нужен, например, для так называемых самосмазывающихся подшипников из бронзы для автомобилей. В порах находится масло, а иногда и оно становится лишним; его заменяет графит. Смазка постепенно выдавливается наружу, подшипник сам себя смазывает, и притом очень экономно. Для него уже не так страшны высокая температура и износ; он служит гораздо дольше, в гораздо более тяжелых условиях, правда, при не очень больших нагрузках.

Металлокерамика позволяет металлургу изготовлять материалы с самыми разнообразными свойствами, по заказу представителей самых различных областей техники. «Дайте пористый металл для фильтров»,— требуют конструкторы двигателей легкого и тяжелого топлива. «Необходимы высококачественные магнитные сплавы, да такие, чтобы можно было сделать крохотные детальки приборов, которые нельзя отливать»,— заявляет электротехник. Нужен материал для тормозов с высоким коэффициентом трения... Специальная обмазка для электродов... Алмазно-металлические буровые коронки... И все это дает спекание металлических порошков. Отпадает дорогая обработка на станках, экономится сырье — работа идет без отходов. Прессы штампуют из порошков тысячи изделий в час. Детали сложной формы получаются точно изготовленными, вполне завершенными. Таковы достижения металлокерамики.

Сверхтвердые сплавы для резцов тоже металлокерамические. Советские ученые создали минералокерамические резцы, которые справедливо называют «чудесным камешком»: с их помощью удается намного поднять скорость резания.

Значительных успехов добилась химия пластических масс. Пластмассы легко обрабатывать, формовать из них под нагревом и давлением детали любого вида, получать гладкие поверхности. В автомобиле около 200 деталей, сделанных из пластмассы. Пластмассами широко пользуются самолетостроители. В быстроходных машинах часто встречаются пластмассовые шестерни и части подшипников.

Наше бурно развивающееся машиностроение требует всевозможных новых материалов, обладающих самыми неожиданными свойствами. Советские металлурги и металловеды трудятся над тем, чтобы получить и дать промышленности эти материалы.

В лаборатории физических методов исследования Института металлургии Академии наук СССР. Профессор И. Б. Боровский с помощью сконструированной им рентгено-спектральной установки определяет химический состав нового сплава в ультрамалых объемах.

Фото С. Фридлянда.

М. В. Клионский. ПОСЛЕ СОБРАНИЯ. 1953.

Всесоюзная художественная выставка.

А. П. Левитин. МАСТЕРА ДЕТСКОГО ЗДОРОВЬЯ.

Старейшие работницы детских яслей фабрики имени Урицкого: Ю. Лиснянская, Е. Новикова, А. Захарова и В. Михайлова. 1954.

Всесоюзная художественная выставка.

Г. Г. Нисский. РЫБИНСКОЕ МОРЕ. 1954

Всесоюзная художественная выставка.

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

Рассказ

Халлдор СТЕФЕНССОН

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Йон Йонссон родился и вырос в Рейкьявике, точнее, в западной части его. Это был человек среднего роста, светловолосый, широкоплечий, круглолицый, с невинным румянцем на щеках, с приветливым и спокойным взглядом, добродушный,— словом, типичный исландец-южанин. Он обладал здоровым юмором и был услужлив, непрактичен, снисходителен. Йон Йонссон нюхал табак, а вообще никаких страстишек за ним не водилось.

Детство Йона Йонссона совпало с относительно спокойными годами развития Рейкьявика, когда западная часть города, застроенная домишками с прилегающими к ним огородами, с неизменной площадью для сушки рыбы и причалами для лодок, во многом походила на деревню. Да и заботы обывателя в то время ограничивались ловлей рыбы, получением небольшого урожая с огородов и беспокойством о сухой погоде, которая нужна для того, чтобы побольше и получше насушить рыбы для продажи. И, конечно, поисками поденной работы...

Да, скудные это были источники дохода, но зато в те времена не ведали о безработице, этой болезни нашего времени, и требования к жизни были скромны. Они ограничивались всего-навсего маленьким домиком, простой и сытной пищей, крепкой и прочной одеждой, не зависящей от капризов моды. Налоги и таможенные сборы в пользу властей были и тогда, как, впрочем, и во все времена, бичом человечества. Эти напасти неведомо откуда берутся и неведомо когда минуют тебя. Но налоги не так тяготили выносливое коренное население, как они гнетут сейчас новых жителей столицы и современное поколение этого города, и потому кажется, что прежние невзгоды не так тяжелы, как нынешний кризис.

Йон Йонссон появился на свет, громко крича прямо в лицо повивальной бабке. Это событие произошло в маленьком домике с низкими стенами, крытой толем крышей, с одним окном в каждой из чердачных комнат, маленькой пристройкой на западной стороне, крохотным огородом на восточной и большой площадью для сушки рыбы. Из этого маленького домика Йон Йонссон проложил себе путь в жизнь — в море, где он ловил рыбу, в гавань, где ему пришлось грузить соль и уголь, и в общество, где ему пришлось жить. На этом пути чередовались пасмурные и солнечные дни, летний зной и зимние морозы.

Ранняя молодость Йона Йонссона была безмятежна и полна всевозможных происшествий на суше и на море, тяжкий труд сменялся веселыми забавами; в будни он уходил в море на ловлю вместе со взрослыми, а по воскресеньям устраивал с другими мальчишками морские битвы; в этот день им разрешалось распоряжаться лодками. Полный юных сил, беспечный, он не задумывался ни о безработице, ни о дороговизне, ни о других общественных явлениях.

В положенное время пришла любовь со своими законами, робкими и требовательными в одно и то же время.

Бьерг жила в таком же домике, воспитывалась в той же среде, у нее были те же виды на будущее. Дети играли вместе до самой конфирмации. Но пришло время, и они разошлись, не понимая, почему, как две лодки, потерявшие из виду друг друга. А ведь виделись они каждый день. Но не разговаривали: не было общих интересов, а детские игры были теперь неуместны. Мальчик уже начал нюхать табак, а она со своими подружками по вечерам отправлялась в город. Там они встречались с приказчиками и служащими банка в белых воротничках, с победоносными улыбками на лицах. По ночам ее посещали чудесные сны; они не оставляли ее и днем, когда она чистила рыбу или занималась уборкой. Йон Йонссон всецело был поглощен рыболовством и всевозможными затеями. Но иногда во время работы он вдруг останавливался и чертыхался, будто ему чего-то не хватало, будто он что-то забыл. Он пристально вглядывался в пространство, но никак не мог вспомнить, что это, и меньше всего ему казалось, что это могла быть Бьерг.

Однажды утром он смотрел, как Бьерг потрошила рыбу на солнце, и концы ее белоснежного платка развевались, сверкая, подобно солнечным лучам, пробиравшимся в щелку стены, и казалось, что движения ее рук, чистивших рыбу, манили к себе невидимого возлюбленного.

Вдруг Йон Йонссон понял, что именно ее он забыл, что она всегда жила в его душе. И вот наконец забытое вспомнилось.

Бьерг тоже в это утро как-то особенно смотрела на него, в глазах ее мелькала лукавая улыбка. Ее глаза, казалось, говорили: «Не удалось мне уйти от тебя... Это тебя я искала в каждом приказчике, в каждом служащем банка, и во всех удивительных снах, которые мне снились, был ты, ты!»

И будто сильная пружина расправила грудь Йона Йонссона, и он крикнул: «Бьерг!»,— крикнул, почудилось ему, громко, очень громко, но никто не услышал ни звука.

Вечером он сидел рядом с Бьерг на берегу, на старой опрокинутой вверх дном лодке. Эта старая лодка давным-давно перестала ходить в море и гоняться за треской; ее единственным занятием теперь было подслушивать, о чем шепчутся молодые люди, влюбленные друг в друга. И она приветствовала своим скрипом влюбленные парочки всякий раз, когда они усаживались на нее.

Ни Йон, ни Бьерг не проронили ни слова. У него пересохло в горле. Мимо пролетали в сиянии заката морские птицы, как блики на сверкающем лезвии ножа. Йон Йонссон вынул рожок с табаком, но снова положил его в карман. Бьерг разразилась громким смехом и посмотрела на него задорным, насмешливым взглядом.

— Ты что, уже табак нюхаешь? — спросила она.

Он тоже засмеялся и сказал: «Нет!» Затем вынул табакерку, втянул в себя понюшку; у него заслезились глаза. Она взяла рожок, понюхала, сказала «фу!» и сделала вид, что хочет вытряхнуть содержимое. Тогда он схватил ее за руки, теплые и упругие, между ними завязалась борьба, они пытались отнять табакерку друг у друга. Для того, чтобы завладеть табакеркой, ему пришлось обнять Бьерг. Но она тотчас же приумолкла и

перестала играть. Черная птица предостерегающе крикнула, но они были слишком беззаботны и поцеловали друг друга.

Время шло, и город разрастался. Маленькие домишки в западной части города терялись между высокими домами. Много хижин снесли, чтобы освободить место для новых, больших зданий и проложить мостовые. Обитатели домишек затерялись в людском море. Они стали похожи друг на друга, потеряли свои характерные особенности. Но иногда незначительное событие — краткая заметка в газете или небольшое сообщение по радио — на мгновение воскрешает в нашей памяти образы старых жителей западной части города. И тогда начинаешь ощущать бег времени. Такое же чувство бывает, когда вдруг спохватишься, взглянешь на часы и видишь, что уже поздно. Но эти мгновения проходят, и ожившие образы снова отодвигаются в туманную даль, как плохая проповедь тупого пастора.

Йон Йонссон рос вместе с городом. Он не отставал от него. Четырех маленьких Йонссонов подарила ему Бьерг. Йон способствовал не только росту населения, но и развитию города — строительству домов и мостовых. Свой маленький домик ему пришлось снести: на его месте понадобилось проложить прямую улицу. А Йонссону пришлось переехать в подвал и платить за свое жилье хозяину. Лодку он тоже продал: траулерам ведь нужен простор в море. И он нанялся на траулер, чтобы помочь хозяину ловить рыбу, ибо люди должны помогать друг другу, а Йон Йонссон, как мы уже говорили, был очень услужливым человеком.

И вполне естественно, что он помогал своему городу стать краше и богаче. Он даже помогал ему деньгами: шестьсот крон, полученные за снесенный дом, он вложил в один из банков для того, чтобы банк мог ссужать деньгами людей, покупающих траулеры и строящих дома. Йон Йонссон получит свои деньги с процентами, ибо, как всем известно, помощь должна быть обоюдной. Городу нужно помогать, но зато и он помогает, когда люди в этом нуждаются, например, во время безработицы или болезни (80 ёре в день — пожалуйста!). Но Йон Йонссон не получил обратно своего вклада, так как с банком случилась беда. Его переименовали, он стал называться совсем по-другому; нельзя же требовать деньги с банка, носящего совсем другое название! Йон Йонссон, однако, хорошо понимал, что человек бессилен перед таким несчастьем.

Он все старался содействовать росту своего города. Он подарил ему еще пятого сына. Но городу всего этого не хватало. Он предъявлял к своим жителям все большие и большие требования. Пусть трудятся, пусть тянут из себя жилы, чтобы платить налоги и пошлины, которые неизвестно куда и кому идут. Впрочем, это известно: они идут тем немногим, которые владеют городом, домами вдоль улиц, траулерами на море и законами, охраняющими права собственности.

Но «право собственности» — это уж мудреные слова, и люди, подобные Йону Йонссону, совсем не понимают их значения. Их дело — платить, а те, которые имеют право на дома и траулеры,— им принадлежит право собственности даже на пятерых малышей, которыми Йон Йонссон обогатил город. Но отцам города и в голову не приходило принять их маленькими, грязными, голодными. Нет, пусть Йон Йонссон позаботится о том, чтобы они выросли, подобно городу. Маленькие Йоны Йонссоны никому не нужны до тех пор, пока они не смогут платить налоги.

Все это страшно угнетало Бьерг, и ее глаза уже не были задорными и насмешливыми, а грубые слова, с которыми она теперь обращалась к мужу, были совсем не похожи на романтический шепот у старой лодки, так мелодично скрипевшей, когда влюбленные садились на нее.

— Мне не хватает того, что ты мне даешь, для этой ненасытной оравы. Не могу я больше чинить те лохмотья, в которых они ходят.

Но Йон Йонссон отвечал со свойственным ему добродушием:

— Подожди немного, скоро мальчишки станут сами зарабатывать себе на жизнь.

Он вынул свой рожок и снова сунул его в карман. Но не потому, что стыдился Бьерг, как в те старые времена, когда они сидели на лодке и шептались, а потому, что теперь рожок был пуст.

— Да,— сказал Йон Йонссон,— пожалуй, Йонас даст мне табаку на несколько понюшек, если я пообещаю ему вернуть долг.

У Йона Йонссона всегда были добрые друзья, которые охотно помогали ему выйти из затруднительного положения. Ведь Йон Йонссон, в свою очередь, часто помогал им, как помогал своему городу и людям, владевшим правом собственности.

Он знал многих в этом городе, знал даже сильных мира сего. Йон Йонссон при случае оказывал им услуги: он ведь был очень услужлив. Бывало, он проникал на пароход, чтобы тайком достать для них кое-что. Они его благодарили и обращались к нему по-свойски, на «ты». Некоторые из этих столпов общества были когда-то его товарищами, в те времена, когда они играли вместе в западной части города. Только они преуспели, пробили себе путь, путь к собственности. Самим пробираться на пароход им как-то было не к лицу, и Йон Йонссон выручал их: он ведь хорошо знал всех боцманов на пароходах. Йон Йонссон делал это охотно, так как твердо знал, что когда-нибудь они тоже помогут ему: ведь в их руках и собственность и закон.

А город продолжал расти. Теперь не только Йон Йонссон и ему подобные способствовали этому росту. Бесчисленные Йоны Йонссоны в других странах воевали на суше, в море и в воздухе, убивали друг друга и разрушали все, что нужно разрушить для того, чтобы города всего мира могли расти и обогащаться. И в Рейкьявике люди, в чьих руках находилась собственность, понимали, что их город немало выгадает на этом. Они заявляли: «Пожалуйте, у нас рыба! Рыбий жир! Мы богаты сельдью!» — и слали телеграммы за границу. «Олл райт! — говорили иностранцы.— Получайте денежки».

И город рос.

Но когда людям за границей надоело воевать и могилы павших за родину поросли травой, денежные тузы перестали получать деньги из-за границы, хотя они слали одну за другой телеграммы, предлагая рыбу, мясо, рыбий жир, сельдь.

— Плохо дело,— отвечают иностранцы.— Кризис.

И собственникам становится не по себе от этого ужасного слова, похожего на запутанный узел колючей проволоки. В душе они думают: «На кой черт нам сдался этот кризис?» И бросают в лицо всем своим Йонам Йонссонам:

— Вот, получайте! Кризис! Безработица! Мы тут ни при чем, у нас свои заботы: о собственности и законе.

Поэтому Йон Йонссон стал безработным. А Бьерг становилась все более озлобленной и несдержанной. От ее белоснежной косынки, кончики которой сверкали, как пучки солнечных лучей, не осталось ни единой нитки, ее руки давно уже не знали движений, как бы зовущих невидимого возлюбленного.

— Одному черту известно, как мне залатать это тряпье! — говорит она, показывая Йону Йонссону лоскутья, которые лишь при богатой фантазии можно принять за пару штанишек.

Или:

— Что же, мы так и будем голодать? Неужели этот проклятый приход ничем нам не поможет?

Приходом она называла муниципалитет, будто Рейкьявик все еще был городком, походившим на старый хутор у моря, тем городком, где когда-то Бьерг чистила рыбу и впервые поцеловала Йона Йонссона, своего теперешнего мужа, отца пятерых ребят, живущих в подвале.

Йон Йонссон все еще был оптимистом: он верил, что все уладится, стоит только мальчишкам стать на ноги.

— А не будут они такими же безработными, как ты?

Сколько озлобления было в ее словах! Она ли это сидела на старой скрипящей лодке и лукаво поглядывала на Йона Йонссона?

Что толку ссориться с усталой женщиной? Но Йон Йонссон понимает, что человеку, сделавшему свой вклад в развитие города, нет оснований отчаиваться, хотя бы даже иностранцы наслали на нас кризис.

Вся семья Йонссона ходит в столовую для безработных и набивает пустые желудки супом и рыбой. Йон Йонссон и здесь встречает старых знакомых. Он шутит, а на кризис смотрит не так безнадежно, как другие.

— Все наладится,— говорит он людям, которые впали в отчаяние, не видя исхода.

— Что ж, здесь вполне можно питаться,— говорит он, когда Бьерг брезгливо морщится при виде протухшей рыбы.

Йон Йонссон обратился в муниципалитет за помощью, он получает пособие, а изредка и работает.

— О, ничего, все наладится!

Иногда Йон Йонссон встречается даже с теми, кто имеет право на собственность. Он спрашивает, не потребуются ли от него услуги, он мог бы отправиться на пароход. Но они смотрят на него с удивлением: с ума он, что ли, сошел! Теперь ведь достаточно телефонного звонка — и получишь спиртные напитки в любом количестве.

Кризис продолжается. Это колючее слово становится все более страшным, несмотря на четырехлетний план организации промышленности. Йон Йонссон вынужден был переехать из одного подвала в другой — поменьше. Ему приходит в голову замечательная идея «пристроить куда-нибудь детей». И это ему удается. Одного он отправил в Боргарфьорд, другого — в Хафнарфьорд, третьего — на север, четвертого устроил рассыльным в Рейкьявике, пятого не понадобилось пристраивать: он умер от коклюша. Конечно, такие меры облегчают жизнь. К тому же он опять обратился в муниципалитет за пособием. Но пособия он не получил. Проверка нуждаемости показала, что он может обойтись без помощи. Зато Йон Йонссон получил временную работу — вот видите! — правда, всего на четырнадцать дней.

Он не занимался ловлей сельдей. Может быть, это была ошибка. Но он прославился тем, что по распоряжению министра промышленности был отправлен домой с севера, так как не мог оплатить билета. Впрочем, своей славой он обязан еще и другому министерству — министерству юстиции.

— Будь добр, сделай небольшое одолжение, отнеси вот это,— сказал знакомый Йона Йонссона, сунув ему в руку бутылку самогона.— Я знаю, ты услужливый парень.

А Йон Йонссон действительно был услужлив. Он часто разносил бутылки по городу. Но он не знал, что владельцы собственности очень строго блюли свои порядки во время кризисов,— это касалось и тех безработных, которые пускались ради заработка на разные уловки, и тех, которые бесчинствовали и предъявляли к городу наглые требования. Йон Йонссон не принадлежал ни к одной из этих групп. Но ему страшно не повезло. На пути он натолкнулся на полицейского, и тот заинтересовался содержимым бутылки, которую нес Йон Йонссон. Но Йон Йонссон привык с юности к различным приключениям, он швырнул бутылку на мостовую.

— Ну, теперь угадай!

Полицейский был не из простачков. Он поднял осколки, понюхал и передал их судье, который назвал их «вещественным доказательством». Таким образом Йона Йонссона упрятали в тюрьму.

Судья хотел заставить Йона Йонссона признаться в том, что он гнал самогон или, по крайней мере, продавал его. Но Йон Йонссон знал, где раки зимуют, он не дал себя запугать. Судья стал интересоваться, как к нему попала эта бутылка. Конечно, Йону Йонссону и в голову не могло придти все начистоту выложить судье: он никогда не был доносчиком.

Судья, как человек добросовестный, всегда применял закон в интересах власть имущих, тех, кто и поставил его, судью, чинить суд и расправу. Он стал допрашивать Йона Йонссона, на какие средства он живет, искусно

стараясь доказать, что Йон Йонссон гнал самогон или продавал его.

— Я послал своих мальчишек в деревню,— сказал Йон Йонссон.

У судьи тоже были дети, он тоже посылал их в деревню на лето. Но он точно знал, что это не может принести дохода.

— Как, вы разве не безработный? — спросил он.

— Конечно, безработный,— ответил Йон Йонссон.

Он-то подумал, что судья хочет предложить ему работу.

— Вот видите, надо на что-то жить.

Поняв, что речь идет не о работе, Йон Йонссон сам пытался уяснить себе, на что же он, собственно, до сих пор умудрялся жить. Все было туманно и неясно. К тому же раньше, когда у него была работа, он над этим не задумывался. А теперь, когда он мог только случайно раздобыть деньги, чтобы заплатить за жилье, тем более не имело смысла об этом раздумывать.

— Бьерг обычно питается у старухи Ронка,— сказал он.

Судья не находил, что этого достаточно для их содержания. Йон Йонссон упомянул также о помощи муниципалитета и рассказал, что один человек должен ему. Он сейчас собирается строить себе дом.

— Вы не могли жить на то, чего еще не получили.

Судья потребовал, чтобы Йон Йонссон точно указал, сколько и чем он заработал за последние месяцы. Такого объяснения подсудимый не мог дать.

— Не знаю,— сказал он.— Не помню.

— Сознайтесь, что вы гнали спирт или продавали его незаконно. Откровенное признание может облегчить вашу участь,— настаивал судья.

Йон Йонссон не хотел так легко сдаться. А судья не хотел подводить ни суд, ни тот закон, который поручили ему блюсти люди, владеющие собственностью. Он должен привлечь этого человека к ответственности. Закон не пустяк, и обходить его нельзя. Это не мальчишеская игра.

Судья пустил в ход всю свою ученость и вынес приговор, а высшие инстанции утвердили его лишь с некоторыми изменениями.

И в эфир пошло сообщение о безработном, приговоренном к двум годам тюремного заключения за то, что он не смог объяснить, на какие средства живет. Йон Йонссон еще раз помог развитию своего города — в качестве назидательного примера для сограждан.

Перевод с исландского В. МОРОЗОВОЙ.

ПИСЬМА РЕВОЛЮЦИОНЕРА

К 50-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ Н. Э. БАУМАНА

В архиве Музея революции СССР хранятся письма Николая Эрнестовича Баумана к родным в Казань. Написанные в тюрьмах, они ярко передают мысли и настроения Баумана, рисуют образ стойкого, преданного пролетарскому делу большевика.

Четыре письма датированы 1897 годом, место отправления — Петропавловская крепость. Это первый арест 24-летнего Баумана — ветеринарного врача, деятельного участника петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Трогательная забота о родных, мягкий юмор, твердое убеждение в правильности выбранного пути — таков дух всех посланий молодого революционера. Подробно описывает он обстановку в тюрьме, убеждает, что здоров и бодр, просит не тревожиться и не представлять его положение в мрачных красках. «Прямо и храбро гляжу на своего несложного, бесстрастного, но зато действительного неприятеля — на своды тюремной камеры. План кампании выработан, тактика изобретена и проверена, и я выступаю на поле сражения, твердо надеясь вести победоносную борьбу».

Тем же настроением проникнуты и письма из Таганской тюрьмы 1904 года. О мрачной тюремной обстановке Бауман рассказывает в бодрых тонах: «Чувствую себя довольно хорошо. Бодр и здоров. Все время провожу за книгами. Здесь стоит отличная, теплая погода. Окна круглые сутки открыты, поэтому в камере всегда свежий воздух и достаточно света. Последнее обстоятельство очень хорошо действует на настроение».

Н. Э. Бауман.

К этому времени Бауман уже известен как руководитель Московской организации большевиков. К 1904 году относится его переписка с отцом, который убеждал сына оставить опасную деятельность. Бауман заботливо расспрашивает отца о здоровье, шутит по поводу своей судьбы, но остается непоколебимым в своих убеждениях: «Вы пытаетесь доказать мне, что все мои рассуждения и убеждения — лишь плод холодного ума. Поверьте, дорогой папа, Вы жестоко ошибаетесь. Только потому, что у меня мозг и сердце идут нога в ногу неразлучно, я так непоколебим в избранном мною пути. И тот, кто стремится соблазнить меня другими, более покойными, ровными и широкими дорогами, несмотря на все свои добрые намерения, по моему мнению, желает мне не счастья, а такого существования, против которого протестует вся моя личность».

Интересны рассуждения Баумана о человеческом счастье: «Несчастными становятся не те, которые голодают, холодают или сидят за решеткой, и, наоборот, счастливые не те, которые живут в богатстве и безнаказанно пользуются свободой. В действительности же тот несчастен, кто сбился со своей настоящей дороги или не мог найти ее вовсе, а счастлив тот, кто идет неуклонно, без страха и сомнения, туда и прямо, куда указывают ему его совесть и убеждения».

Другие документы архива. Пожелтевший лист телеграммы: «Свободен. Целую. Коля. 10 октября 1905». Рядом — фотографии, датированные на десять дней позже. На них запечатлены похороны Баумана. Выпустив революционера из тюрьмы, царская охранка подло расправилась с ним. Бауман был убит после митинга, когда ехал с красным знаменем в руках, чтобы присоединить к массовой демонстрации группу рабочих. На снимках — множество людей, вышедших проводить своего вожака. Москвичи несут плакаты: «Памяти борца-революционера», «Требуем Учредительного собрания!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В статье, посвященной памяти Н. Э. Баумана, Ленин писал: «Пусть послужат почести, оказанные восставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!»

Е. ВЕЛТИСТОВ

Похороны Баумана 20 октября 1905 года.

Следопыт

Евгений РЯБЧИКОВ

Рисунки Г. БАЛАШОВА.

Фото автора.

Начальник штаба, лысый, сухой человек с острыми глазами, изучающе осмотрел Карацупу, словно оценивая его возможности, и сразу приступил к делу.

— Высадился десант.— Начальник штаба подвел Карацупу к стенной карте и очертил на ней место, где были обнаружены нарушители.— Их было десять человек. Семерых взяли. Одного убили час назад. Остались двое. Поиски ведутся в большом масштабе. У нас есть подозрение, что, возможно, их нужно искать совсем в другом районе, вот здесь, в верховьях таежной реки.— Начальник штаба обвел участок карты, покрытый густой зеленью и голубыми лентами речных потоков.— Шансов на то, что они здесь, мало, но мы должны прочесать и этот район. Вы пограничник боевой, стреляный, с опытом. Поэтому вас и вызвал. Тайгу знаете. Ходить умеете. Собака у вас отличная. Думаю, что на вас можно положиться. Если уж вы не найдете, то, значит, диверсантов там нет. А если возьмете след, то доставите нарушителей живыми или мертвыми! Лучше живыми.

Начальник штаба сказал Карацупе, что и как ему нужно делать, где и как передвигаться, и в тот же день следопыт поднялся на палубу речного катера. Здесь его ждала поисковая группа — десять бойцов, вооруженных винтовками.

Вскоре тайга и горы стиснули реку. Ни тропы, ни избушки, ни дымка на ее берегах. Только тайга, зеленая, черная, синяя.

— Разрешите, товарищ пограничник, предложение внести,— обратился к Карацупе катерист.— По заимкам шукать нужно. Вон там Ерофей живет.—Катерист показал на далекую гору.— Верный человек. Все знает. Тигрятник.

— Да вон он и плывет!— воскликнул рулевой.

Действительно, Ерофей, бородатый мужик, в высоких бродовых сапогах и латанной на плечах рубахе, вскоре поднялся на палубу и сразу обратился к Карацупе:

— Случай тут у нас случился. С Рассыпной пади охотник Федор — километров, почитай, за сто отсюда живет — пришел сейчас да говорит: «Ерофей, беда! В займище убивство: бабушку умертвили; капкан очистили. След убивца открылся: чужие здесь, с ружьями». А откуда взялись, ума не приложим. Потом в топи Федор костер нашел, в угольях матерьял горелый — белый, крепкий. Видать, шелк. Сосед Федор ко мне и подался, а я — в сельсовет. Ну, раз и вы тут,— идемте, след укажу.

Высадились на берег. Карацупа оставил двух бойцов в избушке Ерофея наблюдать за рекой, контролировать охотничьи тропы; двух бойцов послал на катере передать с пристани в штаб первое сообщение, а потом нести на реке патрульную службу. Он знал — из тайги человек обязательно будет идти к реке: другого пути у него нет. А сам с Ерофеем и шестью бойцами пошел в тайгу.

СЛЕДЫ ТИГРА

Увитые ползучими лианами деревья вставали непроницаемой стеной, уводили в душные, беспросветно темные пади. Пришли к охотничьей избушке. Ингус взял от нее след, побежал в тайгу и остановился: след исчез. Карацупа повел овчарку снова к избушке, навел вторично на след и добежал с Ингусом до места, где след затерялся на кабаньей тропе. Едва приметная в дебрях, она вела к водопоям, исчезала в топях, снова появлялась, пересеченная другими звериными тропами, и вновь растворялась в тайге.

Переменили тропу, пошли по другой и тут напали на след. Началась погоня.

Карацупа и Ерофей были неутомимы — они не давали отряду отдыха. Только бойцы разведут костер, снимут обувь, устало повалятся на землю, как Карацупа и Ерофей уже тормошат их, заставляют идти дальше. Поход по хвойным иглам, сквозь острые и колючие буреломы, в ядовитых испарениях болот утомил Ингуса. Карацупе приходилось все чаще брать на руки овчарку, нести ее по тайге и спускать на землю, когда исчезали следы.

Трое бойцов выбились из сил, легли на землю у костров. Молча, одними глазами просили они прощения за свою слабость. Ни сил, ни воли не было у них, чтобы встать. Карацупа разозлился, стащил с обросшего бородой щербатого бойца сапоги — в лицо ударил едкий запах спекшейся крови: ступня у бойца покрылась ранами; он застонал. Идти дальше боец не мог, но невозможно было и покинуть его в тайге. Пришлось трех наиболее уставших бойцов оставить на отдых.

Тайга темнела, кружила голову туманами, пугала дикими воплями ночных птиц. Запасы продовольствия кончились,— нужно было охотиться, чтобы получить хоть скудный обед и ужин. От гнилой воды болели желудки. Комары и тучи гнуса превратили лица в кровавые маски. Ноги деревенели.

— Тигровые места пойдут,— обеспокоенно предупредил Ерофей.— Поглядывать нужно...

Ингус первым почуял опасность: он ощерился, фыркнул, шерсть его встала дыбом. Шагнув в подлесок, он заметил на траве вмятины от тигриных лап. Голые, с твердыми округлыми «мозолями» подошвы оставили ясный и четкий отпечаток. Карацупа прикинул на глаз: длина следа от лапы примерно сантиметров семнадцать, длина шага — немногим меньше метра.

— Крупный зверь!— Ерофей встал на колени, тщательно осмотрел след.— Давно шел. Может, сейчас километров за сто отсюда убег: тигр бродячий. А может, таится, ждет...

Ингус дрожал, отказывался идти. Бойцы в страхе озирались. Карацупа понял: все зависело от него, от его воли.

— Приготовить оружие!— разделяя слова, приказал следопыт.— Проверить патроны! Достать ножи! На марше не растягиваться! Ну, Ингус, чего струсил? Тигра испугался? А ты не бойся! Мы вон какая сила!

Ерофей снял с плеча ружье, вытащил из ножен короткий охотничий нож, молча отстранил с пути Карацупу и вышел вперед.

Вздрагивая от малейшего треска, от гула ветра, бойцы шагали по зарослям. За каждым деревом им чудились зеленые, светящиеся глаза тигра, буреломы казались лёжкой полосатого зверя. Не останавливаясь, забыв о привале, о пище и воде, не произнося ни слова, будто загипнотизированные, шли и шли они по темной узкой пади, потом поднялись на ощетинившийся кедрами перевал и разом встали: на фоне неба поднималась из котловины узкая прерывистая струйка дыма.

— Чужой!..— Ерофей подался вперед, жадно понюхал воздух.— Не знает, что в костер класть... Вишь, дыму сколько...— Таежник осмотрелся.— Угадал твой Ингус — правильно пошли: от Федора вороги к реке подались.

ОГОНЬ В ТАЙГЕ

Спустились в болотистую падь. Ерофей раздвинул лианы и, не поворачиваясь, одним движением руки подозвал к себе Карацупу: за плотной завесой из вьющихся растений блестело озерцо. Противоположный берег, прикрытый отвесной скалой, скрывал диверсантов. Там, в луче солнца, чуть сверкала консервная банка и тянулась дымная прядь от головней.

Подхватив Ингуса на руки, Карацупа вошел в заросли. Ветви хлестали по щекам, лианы били, как плети. Качался, пружинил под ногами зыбкий торф. Обогнув озеро, Карацупа сквозь бурелом вышел к поляне: тлел костер, но людей около него не было. Ингус спрыгнул с рук, кинулся в траву и принес консервную банку. Карацупа увидел на ней марку заграничной фирмы.

— Чужой...— вспомнил он слова Ерофея.

Овчарка обнюхала примятую сапогами обгоревшую траву, чихая и фыркая, вытащила из пепла тряпку. Карацупа взял ее, стряхнул золу, разгладил на ладони и посмотрел на свет. «Парашютный шелк,— определил он качество материала.— Десантники сжигают остатки парашютов. Но почему не

См. «Огонек» №№ 42, 43.

сразу уничтожили они парашюты? Зачем несут их с собой?» Следопыт осмотрел кусочек шелка и заметил на нем кровавое пятнышко. Откуда оно появилось? Не поранил ли, приземляясь, десантник ногу?

Карацупа направился дальше по следу.

Парашютисты шли зигзагами, обходили заросли и буреломы, выбирая дорогу поспокойнее. Следы, оставшиеся на мху, сырой глине и притоптанных папоротниках, рассказали Карацупе, что один из парашютистов был ранен, его нес на плечах высокий, сильный человек. Он уставал, задыхался и тогда спускал со спины напарника. Диверсанты вдвоем собирали хворост, разводили костер.

Теперь Ингусу не приходилось напрягать ни своих сил, ни чутья, ни зрения, чтобы находить тропу диверсантов: парашютисты забыли об осторожности и шли без опаски. Они думали только о выходе к реке. Почуяв близость врага, Карацупа собрался, как стальная пружина, лицо его заострилось, холодные серые глаза впивались в каждый куст, в каждый завал. Бежавший перед отрядом Ингус вытянулся, словно готовясь к прыжку. Глаза его горели, слышалось короткое, сильное дыхание. Вдруг он остановился и в ужасе попятился: сквозь кружево лиан со скалы, поросшей кустарником, тянуло трупным запахом. Ерофей остановил отряд, вскинул ружье и один пошел к лианам.

Под цепкими корнями кедра, в буреломе, у подножия скалы темнел вход в медвежью берлогу. К ней и тянулись следы тигра. По ним было видно, что полосатый хищник подошел к входу в берлогу, куда в страхе забилась медведица, потом бросился к противоположной стороне, там раскопал землю, прорыл дыру, попугал медведицу. Тигр бегал то к челу берлоги, то к проделанному им отверстию, пока не выгнал медведицу и не перекусил ей шейные позвонки. Царапины от когтей на коре, следы крови, скомканная трава, поломанные кусты рассказали о трагической битве.

«Вот оно что,— подумал Ерофей.— Тигр был сыт, потому и не тронул десантников. А рядом шли...»

Ерофей вернулся к отряду, в двух словах рассказал об увиденном, и отряд продолжил погоню. Прежде чем ступить на поляну или перешагнуть через сгнившее дерево, Ерофей пробовал ногой зыбкую почву, делал шаг и только тогда разрешал идти бойцам.

Тайга становилась темнее, гуще, на пути вставали завалы, лежали сгнившие деревья, в высоте сцеплялись лианы. Это были настоящие джунгли с обомшелыми, бархатными деревьями, диким виноградом и засохшими кедрами, и сквозь эти джунгли пробирались парашютисты. Сильный и рослый бандит все чаще и чаще нес на своих плечах напарника. Они слышали шорохи, вопли и хохот тайги и спешили к реке. Судя по всему, это были отчаянные, готовые на все люди. «Схватка с ними будет тяжелая,— подумал Карацупа.— Налетом не возьмешь... Нужно обдумать, как напасть, как взять живыми, как привести их в штаб».

Издалека потянуло дымом. Ингус закрутился, запрыгал, рванулся вперед, забыв усталость,— будто не колола его острая, иглистая хвоя, не тонул он в болотах и не застревал в буреломах. К горлу Карацупы хлынули горячие волны, усталость исчезла, рука его инстинктивно искала наган. Ему хотелось сейчас же бежать к костру и закричать: «Стой! Руки вверх!» Но спешить нельзя. Нужно было собрать отряд, осмотреть бойцов — усталых, измученных людей с распухшими от комариных укусов веками,— проверить перед боем оружие и патроны.

Враг был рядом, и можно было объясняться только молча, жестами и мимикой. Карацупа приказал рассредоточиться бойцам и заходить к костру с подветренной стороны. Сам он лег на мшистую землю, сдвинул козырьком назад фуражку и пополз по-пластунски под кустами к коряге, похожей на осьминога. Около нее Карацупа отдышался, подтянулся на руках и выглянул из засады. С поляны тянулся от сырых сучьев и еловых лап узенький столбик дыма. Схватившись руками за голову, сидел у костра маленький, щуплый человечек. Его карабин стоял прислоненный к дереву, у ног лежал маузер. Парашютист, видимо, спал.

«Где второй? — забеспокоился Карацупа. — Почему Малыш,— так он заранее окрестил тощего раненого человека,— спит, и почему он один? Второй, может быть, собирает хворост? Ушел на охоту? Но хвороста много, и у костра лежат консервы. В чем дело?.. Нельзя нападать на одного, не зная, где второй».

Карацупа позвал Ерофея и, когда бородач добрался до коряги, показал ему на спящего Малыша.

— Один! — обратил он внимание таежника.

Ерофей дотронулся до губ пальцем,— дескать, тихо! — и уполз в чащу. Вернулся возбужденный, с искорками в глазах.

— Второй ушел, он далеко отсюда, — прошептал он, — можно брать Малыша.

Карацупа встал, повернул назад с затылка, козырьком вперед фуражку, оправил на себе гимнастерку, принял бравый солдатский вид, поднял наган и шагнул с Ингусом к костру.

— Руки вверх!

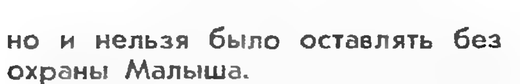
Малыш не шевельнулся. Карацупа схватил карабин врага и повторил приказ:

— Руки вверх! Ингус, вперед!

Малыш, не вскрикнув, упал от толчка Ингуса. Он был мертв.

Сильный, здоровый парашютист, тащивший незадачливого спутника, выбился из сил, потерял веру в спасение вдвоем и отравил Малыша медленно действующим ядом. Карацупа обыскал убитого, вывернул его карманы, прощупал на пиджаке швы и нашел в подкладке бумажные ленты с шифром.

Карацупа мрачно уставился немигающим взором на мертвеца. Нужно было продолжать погоню,

но и нельзя было оставлять без охраны Малыша.

— Заберем вещи, а тело... бог с ним,— предложил Ерофей.— Не тащить же...

Измученные бойцы одобрительно переглянулись. Карацупа поймал их взгляд и помрачнел.

— Товарищ Ерофей,—решительно обратился Карацупа к таежнику.— Спасибо за службу, за помощь, и вот приказ: идите с бойцами — отнесите тело и документы на заимку. Я пойду на преследование.

— Никак нет! — отозвался Ерофей.— Одному не можно.

— Отставить! — строго сказал Карацупа.— Задача такая: отнести тело к реке, вызвать катер и отправить на нем Малыша в штаб. А вам с бойцами взять под наблюдение реку и выйти мне навстречу с реки: отрезать путь Большому. Понятно?

Ерофей молчал.

— Тело в воде мочи́те, чтоб не испортилось, берегите. Важное доказательство,— деловито посоветовал Карацупа,— действуйте!

Оставшись один, Карацупа почувствовал всю муку пройденного пути: ему трудно было передвигать ноги, хотелось забыться, упасть в траву и уснуть. Но он прибавил шагу. Тотчас что-то полосатое мелькнуло в чаще. Тигр?

Взяв в руки наган и маузер, Карацупа шагнул в кусты. Еще шаг... Вот он... В глазах следопыта стало темно. Но что это? На поваленном дереве, словно тигровая шкура, лежал полосатый желтый мох. Поплыли перед глазами круги, тело обмякло.

СТРЕЛКИ ЧАСОВ

Сейчас, когда след диверсанта был найден, смысл погони заключался в одном — в скорости преследования. Но где взять силы тащить свинцовые ноги по болотам,

по колючей хвое? Нужно было вступить в борьбу с самим собой: со своей усталостью, с голодом, со страхом, с одуряющим желанием спать. Порой Карацупе казалось, что его сильные, мускулистые ноги и железные руки становились чужими. Чем дальше он шел, тем труднее было приказывать ногам двигаться, руке — тянуть поводок, голове — держаться прямо, глазам — всматриваться в тайгу. Следопыт щипал себя, кусал распухшие губы и старался думать не о своих болях, а о муках Ингуса.

Грязный, худой, с отвисшим хвостом и опавшими ушами, Ингус еле тащил ноги, садился и жалостно смотрел на пограничника. Взгляд овчарки заставлял Карацупу подхватывать ее на руки, переносить через ручьи и трясины. Прижимаясь, словно ребенок, к шее Карацупы, Ингус жарко дышал ему в лицо, обнюхивал заострившиеся сухие скулы, слизывал с колючих щек следопыта темные пятна мошкары.

Желудок напоминал о пище, спекшиеся губы — о воде, глаза требовали покоя, онемевшие ноги отказывались двигаться. Карацупа сел на вывороченное с корнем дерево, скинул разбитые сапоги. Приятно было почувствовать голыми ступнями влажную прохладу трясины, но когда качавшаяся под ногами болотистая почва сменилась ядовито-ржавой землей, то заныли суставы и по телу пробежала дрожь. Через сотню шагов стало и того хуже: началась резавшая ступни каменистая почва, появился колющий кустарник. Все равно нужно было идти, нагонять врага, выигрывать минуты, часы...

Большой — так назвал второго диверсанта Карацупа — щадил свои силы, раскладывал их с точностью спортивного тренера. Большой не упускал случая смочить голову водой, запастись ягодами, убить птицу и зажарить ее на костре. Он мог отдыхать, курить, готовить пищу. Отнять у него выигрыш во времени можно было за счет сокращения своих стоянок, отказа от охоты, от сна, от еды. Там, где Большой подставлял лицо под струи падающего ручья, где он спал, Карацупа должен был схватить на бегу глоток воды, смочить потное, окровавленное лицо и бежать дальше.

Перед заходом солнца потянуло сыростью и тонко запели комары. Ночь, на этот раз особенно темная, пришла внезапно,— над головой словно захлопнулся тяжелый люк. Карацупа ждал этой тревожной для него минуты и подумал: как же он сможет идти в непроницаемой тьме? По тропе? Но она исчезла во мгле. По звездам? Их заслонили деревья, скрученные лианами и диким виноградом. Надежда оставалась на Ингуса: только он мог видеть ночью.

Ингус сердито фыркал и устало тянул поводок. Он спотыкался, шарахался в стороны, иногда кидался к ногам Карацупы, ища у него защиты от неведомых ночных врагов. Во тьме загорелись огоньки. Какая-то птица пролетела над головой. Что-то шуршало под ногами.

Фосфоресцирующие стрелки часов двигались медленно, значительно медленнее, чем того хотел Карацупа: десять... двадцать... тридцать минут... Столько мучений, а выиграно меньше часа!..

Ингус жалобно скулил, когда поблизости метался ночной зверь, и злобно рычал, слушая вой шакалов. Но он шел и вел за собой Карацупу. Стрелки часов отметили выигранный час, потом второй, третий... Не брезжил еще рассвет, когда Карацупа понял,— он выходит к последнему ночлегу парашютиста.

И вдруг Ингус заметался, бросился к ногам Карацупы, застыл, выжидательно нюхая воздух. Тело его дрожало, дышал он прерывисто, сглатывал слюну. Кто-то был рядом. Парашютист? Тигр?

Карацупа лег, вытянув перед собой руки с наганом и маузером. Тайга молчала. Слышны были только удары сердца: тук-тук-тук, словно стучали дятлы. Карацупа лежал и бранил себя: уходит дорогое время! С каким трудом доставались ему минуты, а теперь они растрачивались в ожидании противника! Ждать он больше не мог и решил осмотреть место, обеспокоившее Ингуса. Овчарка нехотя поползла с ним и вскоре остановилась: здесь след! Ощупью Карацупа провел по земле ладонью. Пальцы почувствовали сырой мох, росистый папоротник, какую-то гнилушку. Вдруг они застыли. Пальцы коснулись вмятины. «Тигр... — определил Карацупа.— След свежий...»

Идти дальше нельзя. При тусклом свете звезд Карацупа добрался до могучего кедра, встал к нему спиной, спрятав в ногах Ингуса, и поднял зажатые в руках наган и маузер. С вершины, гулко стуча о ствол и ветви, упала шишка. Карацупа вздрогнул и с трудом сдержался, чтобы не выстрелить. Посмотрел на светившиеся стрелки часов.

«Теряю время!..» — рассердился он.

Следопыт стиснул в жилистых руках рубчатые рукоятки и сел: от волнения одеревенели ноги.

«Не спи! — приказывал сам себе Карацупа.— Крепче держи оружие. Думай, как будешь конвоировать Большого».

В кедровой чаще погасли звезды. Повеяло холодом. Закурился легкий туман, похожий на папиросный дым. Где-то ухнула выпь. В падь скользнул жидкий, еще неясный рассвет.

Упираясь спиной о дерево, Карацупа с трудом поднялся, попробовал сделать шаг. Окоченевшие ноги подкосились, и, качнувшись, следопыт упал на колени. Перед его глазами поплыли деревья, закачались ветви. Положив рядом наган и маузер, он растер ноги, помассировал мускулы, потом взял в руки оружие и ползком добрался до следов. Отпечаток ноги десантника пересекался тяжелой вмятиной тигровой лапы. Ингус опять завертелся от страха и бросился к ногам следопыта. Надо было спасать Большого, иначе он погибнет, и нѐкого будет вести в штаб. Забыв об опасности, Карацупа побежал по сдвоенным следам. Одни тянулись вялой линией измученного переходом человека, другие — широкие, сильные, размашистые — вели в ту же сторону, где исчез нарушитель.

С горящими глазами, босой, окровавленный, Карацупа, размахивал маузером и все бежал, ускоряя погоню. Вот сейчас... скоро...

Пахнуло костром. За стволами бархатного дерева, увитого диким виноградом, открылась поляна. В центре ее чернели головни. У костра белели разгрызенные кости, измятые клыками банки и пачки денег. Тут же валялся карабин.

— Опоздали! — Карацупа сел, устало провел по лицу ладонью.— Не надо было стоять нам с тобой, Ингус, ночью, не надо... Тогда живьем бы взяли Большого. А теперь... бумажки принесем.

Ингус обошел поляну, собрал в кучу разбросанные документы, деньги, плоские банки с ампулами яда. Из этой кучи Карацупа извлек узкую ленту рисовой бумаги, заметил на ней какие-то записи и облегченно вздохнул.

— Кажется, не зря бегали, Ингус.— Карацупа обнял измученную овчарку.—Важные документы принесем.

...Вернувшись из командировки, Карацупа доложил начальнику заставы о проведенной операции и пошел к товарищам. Две недели его не было на заставе, и все, что произошло без него, казалось следопыту особенно интересным.

Сосед Карацупы по койке, черноголовый, веселый Василий Козлов, секретарь партийной организации заставы, рассказал ему, какие провели за это время беседы, что было на политзанятиях, кто и как отличился на границе и кто получил отпуск. О своих делах Карацупа рассказал Козлову скупо, словно оправдываясь:

— Гнался, понимаешь, за двумя, ни одного живым не взял. Чего ж тут речи вести?

Потекла обычная жизнь. Неделю Карацупа лечил Ингуса, а когда тот поправился, события, словно поджидая его, хлынули бурным потоком.

ЗМЕИНЫЕ УКУСЫ

Карацупа с Ингусом и двумя бойцами темной ночью пробирался по кустам, осторожно отводя со своего пути длинные ветви. Боец, замыкавший наряд, хватал их и осторожно опускал, чтобы не производить шума. Так же спокойно опустил он и толстую ветку, но внезапно почувствовал укол. Вскоре ладонь его распухла, и боль стала распространяться быстро по всему телу. Карацупа заметил: с товарищем творится что-то неладное.

— Что случилось? — спросил он тревожно.

— Ерунда! Пройдет! Наколол руку.— И боец протянул ладонь.

Карацупа направил на нее белый лучик круглого карманного фонаря. Ладонь у бойца покраснела, распухла. Острый глаз Карацупы заметил едва видимые темные точки — следы змеиного жала.

— Прижечь бы, — посоветовал один из бойцов.

— Знаю! — коротко бросил Карацупа.— Снимай шинель, разводи под ней огонь!.. На вот нож, накаливай.

Больной глухо вскрикнул, когда раскаленная сталь впилась в его ладонь. Запахло паленым.

— Плохо, Никита... в сердце гудит... Змея какая-то злая...— простонал больной.

В долине и на сопках пограничной полосы было много змей, к ним привыкли; на заставах не знали несчастных случаев. Карацупа успокоил больного бойца. Он приказал второму пограничнику идти с больным на заставу, а сам двинулся дальше с Ингусом.

Вернулся он утром и узнал: боец умер. Врачи, вызванные из комендатуры и отряда, оказались бессильными против смертельно действующего яда.

О диковинных змеях, появившихся в долине, вскоре заговорили на заставе. Следопыт слушал и восстанавливал в памяти, как он шел за Ингусом, как отодвигал ветви и передавал их следовавшему по пятам бойцу. Змея, конечно, была на кустах, решил Карацупа. Не раз он и раньше видел на сопках и в долине висящих на сучьях серых гадюк, натыкался на змеиные лёжки в камнях. Но еще не было случаев, чтобы змеиные укусы были смертельны. Он решил еще раз осмотреть место, где произошло несчастье.

Вот и куст, с которого свисала змея. Карацупа осторожно поднял ветвь, разворошил мох, сдвинул камни: нет, змеиного гнезда не видно. И вдруг в стороне мелькнуло что-то, висящее на обомшелых сучьях. Раздвинув их, следопыт увидел картонную коробку, подвешенную к сморщившемуся воздушному шарику. В стенках коробки были прорезаны небольшие отверстия. Ясно! «Соседи» запустили ночью воздушные шары и переправили «гостинцы».

Карацупа нашел еще такую же коробку и оболочку воздушного шара и с находками вернулся на заставу.

— Значит, к нам забросили особо ядовитых змей,— сказал капитан.— Это неспроста: психическую атаку начинают. Много этой дряни заслать не могут: все на эффект рассчитано.

В ту же ночь Карацупа вышел на границу. Звезды висели за ре-

кой над глинобитными башнями старинной крепости. С воды поднимался туман, пеленой одевая кусты и деревья. Карацупа чувствовал себя неспокойно. Гибель товарища, а затем «находки» тревожили его. А что, если и на ближайшем кусте таится змея? А может быть, лежит на земле, свилась в клубок за камнем? Может быть, свесилась длинной плетью с куста орешника? Карацупа замедлял шаг, стволом карабина осторожно поднимал ветви, осматривал, что за ними, и шел дальше. Тревога следопыта передавалась овчарке: Ингус часто останавливался, обнюхивал землю. Иногда он пугливо пятился к Карацупе.

— Вперед, Ингус! Вперед! — бодрил следопыт.

Прошли они пять километров и остановились. Еще не светало. Знобило от утренней прохлады. Карацупа накрыл Ингуса курткой, погладил его, потом ощупал собачьи ноги, снял с них репейники.

Во тьме над долиной послышался фазаний шум. Ингус насторожился. Для Карацупы ночной полет жирных птиц говорил о многом. Фазаны взлетали густо, стаями, они фуррыкали и гудели и потом медленно, встревоженно шумя, садились. Взлетали фазаны в разных местах, словно кто-то метался среди них, бросаясь из стороны в сторону. Карацупа сел, облегченно вздохнув: он знал — дикий зверь бегает не по прямой линии, а всегда зигзагообразно, как бы ломая свой путь. Фазаны, напуганные приближением какого-то зверя, гулко взлетали и, нехотя пропуская его, снова усаживались на свое прежнее место.

Зверь убежал, фазаны успокоились. Карацупа собрался повернуть назад, как в долине опять послышался шум фазанов. На этот раз они не кричали, а взлетали без крика.

— Идет человек! — решил Карацупа.

Следопыт мысленно провел линию к месту, где взлетали фазаны,— получилась прямая, четкая и ровная линия, устремленная от границы в долину.

Как бы в подтверждение догадки следопыта в тишине послышался треск, гул и шорох осыпающихся камней. Дикие козы, как сумасшедшие, промчались над рекой, метнулись в скалы, и дробный стук их копыт покатился по каменным распадкам.

— Вперед, Ингус! — Карацупа побежал на встревожившие его звуки.

Он забыл про змей, про опасности, которые подстерегали на каждом шагу, и думал только об одном: идет нарушитель! Тот уже миновал реку, пробирается через кусты: нужно догнать его, остановить, взять!

Расстояние, отделявшее Карацупу от врага, постепенно сокращалось: следопыт бегал отлично. Он перепрыгнул через яму и тут же упал: его словно ударил душераздирающий вопль. Карацупа тотчас выхватил фонарь и направил его луч в туманное месиво. На гальке корчился человек. Перепачканные в грязи руки тянулись к Карацупе.

— Скорей на заставу! — кричал он.— Я хочу жить... меня ужалила змея... страшная змея... Врачей, скорей врачей!.. Я все скажу, скажу, как лечить... я все скажу...

Нужно было спасать задержанного.

— Бегом! — приказал ему Карацупа.

Оба побежали по тропе. Но вскоре нарушитель упал. Карацупа связал его руки, подхватил на плечи и понес.

— Скорей! — слышал он шепот. — Я все скажу... Я хочу жить... жить... жить... Южный питомник... Мы проводили здесь опыты...

Карацупа остановился: нести больного было далеко, силы его истекали, а смерть не задержится с приходом. Нужно было требовать помощь. В небо плеснула и рассыпалась тревожная красная ракета. На ее зов примчались на взмыленных конях поднятые по тревоге пограничники.

— Скорей! Аллюр три креста!.. — кричал Карацупа.

Он перекинул больного через седло, вскочил на коня и помчался на заставу.

...Врага, павшего жертвой своего собственного злого умысла, удалось во-время доставить на заставу, а затем в комендатуру. Задержанный раскрыл секрет излечения от змеиных укусов и остался живым. К тому же он рассказал, что вражеская разведка создала питомник для разведения особо ядовитых змей, которых начали забрасывать на советскую землю: пугать пограничников, наводить панику. Но первая же попытка воспользоваться «змеиной атакой» и пустить через границу лазутчика окончилась крахом. А пограничники, овладев секретом противника, могли уже не бояться укусов «импортированных» змей.

ИСПЫТАНИЕ ЮНОСТИ

Шли годы. Карацупа стал известным на границе следопытом. Ковригин, его бывший школьный инструктор, как-то приехал на заставу, взглянул на Карацупу — и не узнал его.

— Смотрите, пожалуйста,— говорил он начальнику заставы, — был щуплый, хилый паренек, а теперь сокол какой! И в плечах широк, и силой богат, и ловок, и знаменит! А ну, покажи Ингуса! Покажи, что умеет твоя собачка.

Карацупа, бывший в ту пору уже командиром отделения, при появлении Ковригина почувствовал себя снова курсантом и мгновенно побежал к клетке, вывел Ингуса и продемонстрировал старому инструктору, как собака берет след, носит брошенные в кусты предметы, конвоирует задержанного, охраняет вещи. Ковригин, большелобый седеющий офицер, улыбался в усы, щурился да похваливал своего ученика.

— Гляжу я на тебя и думаю: теперь тебе самому в учителя нужно идти, — сказал он совершенно серьезно Карацупе.— Опыт у тебя есть. Стал ты настоящим боевым пограничником. Может, пойдешь в школу инструктором?

— С границы не уйду, — твердо сказал Карацупа. — Люблю службу. На сверхсрочную остался. Хочу всю жизнь на границе провести. Меня тут в партию приняли. Тут я человеком стал. Вот и хочу быть в строю, охранять рубеж.

— А школа — это что, не рубеж? — вспыхнул Ковригин. — Неладно говоришь: тебя самого школа воспитала, помогла во всем. Теперь в школе твой портрет висит, твои операции разбираем и говорим курсантам: вот здесь

Подполковник Н. Ф. Карацупа с новым Ингусом на границе. Снято в 1955 году.

учился курсант Никита Федорович Карацупа, был он слабенький, малоросток, но так воспитал себя, так развил свой дух, волю, физически закалился, что стал грозой границы. В пример ставим тебя. И будет очень хорошо, если ты, коммунист-пограничник, сверхсрочник, командир отделения, станешь обучать новичков.

— Виноват,— сказал зардевшийся Карацупа, — я люблю школу, ей многим обязан, я просто не гожусь в преподаватели. Знаете, привык к тишине, к одиночеству: днями ведь ходишь с собакой и души человеческой не видишь, а то лежишь сутки в секрете и пошевелиться боишься и как-то уж отвык от общества...

— Это, конечно, так, граница — место особенное, ну, а в школе мы тебя будем ждать. Для пробы и сюда, на практику, будем присылать курсантов.

Курсанты приехали недели через две. После дружеской встречи гостей на заставе, расспросов, определения, кто и где будет жить, Карацупа вызвал всех курсантов к себе, вывел их к собачьим клеткам, построил около них в шеренгу и приказал рассчитаться по порядку номеров. Каждый называл себя.

— Курсант Лобанов! — отрапортовал молоденький курсант, восторженно смотря на Карацупу.

— Курсант Полежаев.

— Курсант Гирченко.

— Курсант Кривошеев.

Карацупа переводил взгляд с одного курсанта на другого, прикидывая в уме, каковы эти пареньки в гимнастерках, как сильны и ловки их тела, способны ли они любить собак, верить в них, заставлять их атаковывать врага.

Вскоре курсанты увидели Карацупу в деле. Всей группой вышли они на тот участок границы, где шумит в устье речка. Не спеша двигались по зарослям. Карацупа показывал, где и как устраиваются засады, где удобнее всего лежать в секрете, как берет след розыскная собака. А сам настороженно поглядывал на чужой берег. Там происходило что-то очень подозрительное.

Окончание следует.

Виноградники совхоза «Золотое поле».

Золотое поле

Евгений **ПОПОВКИН**

Фото Н. Козловского.

Чтобы увидеть знаменитое в Крыму «Золотое поле», нужно свернуть с накатанного до глянца автомашинами шоссе Симферополь — Феодосия, миновать село Курское и еще несколько селений.

После живописнейших, пронизанных солнцем яблоневых и грушевых садов, тополевых аллей и цветников вдоль шоссе, после красок редкой яркости и удивительной чистоты ухабистая дорога с запыленными кустиками по сторонам кажется совсем невзрачной.

Отшлифованные ветрами лысые скалы, похожие на сфинксов, холмы и овраги, заросшие кустарником, извилистые горные тропки — все это даже отдаленно не напоминает крымские степи, такие же ровные и необозримые, как запорожские или кубанские.

Да верно ли мы едем?

Повстречавшийся старик, понукавший навьюченного вязанками хвороста флегматичного ишака, ответил на наш вопрос по-украински:

— «Золоте поле»? Бачите скели? Трошки пройдете, и буде «Золоте поле»...

Разочарование охватило нас и тогда, когда мы подъехали к самому совхозу, носящему такое поэтическое и многообещающее название. Обычные белые домики под красной черепицей, силосные башни, мастерские, гаражи, скотные дворы и свинарники...

Оказалось, что слава «Золотого поля» таится дальше. Впрочем, директор совхоза Кирилл Николаевич Тагаков, ничего не рассказывая, предложил проехаться по полям.

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз слышать,—сказал он, посмеиваясь.

Мы уже собрались было в путь, но внезапно, как это часто бывает на юге, хлынул сильный ливень. Казалось, выбраться из поселка было невозможно. Тем не менее Кирилл Николаевич, сухощавый, высокий мужчина с моложавым загорелым лицом и внимательными темными глазами, невозмутимо сказал:

— Едем!

Дождь то утихал, то снова припускал, земля под колесами машины чавкала и налипала на них толстыми, грузными пластами, но вездеход преодолевал все препятствия легко и даже с каким-то веселым озорством.

— Нашей машине иначе и не положено,— добродушно заметил шофер.

Шофер кивнул на металлическую пластинку под ветровым стеклом. Мы ехали на одной из автомашин, полученных совхозом в качестве премии от Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Тут же мы узнали, что совхоз награжден Малой Золотой медалью и получил диплом первой степени.

Знакомство с некоторыми страницами славной летописи совхоза, таким образом, начиналось. Однако Кирилл Николаевич все еще не торопился с подробным рассказом, который нам хотелось услышать. Может быть, он не желал ослабить впечатления от того, что предстояло сейчас увидеть?

Картина и впрямь оказалась с первого же взгляда поразительной. Ярко зеленели необозримые виноградные кусты, нескончаемыми рядами стояли яблони, персики, груши с необычным даже для благословенной Тавриды обилием плодов. Словно по заказу, в эту минуту вырвалось из густых, тяжелых туч щедрое южное солнце и позолотило раскинувшееся до самого горизонта, омытое только что пролившимся дождем поле — поистине золотое поле!

И тогда директор заговорил:

— Восемь лет назад ничего этого не было. Голая, каменистая залежная земля... Пытались на ней сеять хлеб — овчинка не стоила выделки. Сено, правда, иногда накашивали... Пробовали сажать виноград. Пошел... Но сколько его здесь было? Двадцать семь гектаров, да и те запущенные, бедные. А сейчас — сами видите. Вон они, какие стройные ряды! Стоят, как на парад выстроились...

— Да,— горделиво поддакнул шофер.— Как на параде...

Цифры, которые были при этом названы, красноречиво убеждали, что и директору и всем золотопольцам действительно есть чем гордиться. Виноградники этого молодого совхоза раскинулись сейчас на площади в шестьсот двадцать гектаров: она увеличилась за последние восемь лет почти в двадцать три раза! И какие чудесные плоды собирают на этих предгорных плантациях!

Виноград в Крыму выращивают, как известно, с давних времен. Историки утверждают, что виноградарство и виноделие были развиты здесь еще 2 300—2 400 лет назад. Это подтверждают раскопки древних городов — таких, как Херсонес около Севастополя, Мирмекий возле Керчи, где были найдены глиняные винные сосуды, металлические инструменты для обрезки винограда и обработки почвы, надписи и рисунки на каменных плитах и остатки каменных винодельческих сооружений. Культура винограда в Крыму переживала то период расцвета, то упадка. В наше время крымское виноградарство стало заметно развиваться. В 1933 году под виноградными насаждениями тут было почти девять тысяч гектаров, а к 1941 году площадь под колхозными виноградниками Крыма увеличилась почти в полтора раза.

Но виноград выращивался раньше в Крыму главным образом на южном побережье: от Алушты до Балаклавы, а также в Судакском районе, расположенном в восточной части полуострова.

И лишь сравнительно с недавних пор виноградная лоза все смелее и смелее стала пробиваться в крымское предгорье, в крымскую степь. Для молодых виноградарских районов стали подбирать определенные сорта, ибо, как не раз подчеркивал И. В. Мичурин, успех дела решает прежде всего сорт. Но подбор сортов — дело очень сложное. Римский поэт Виргилий говорил о виноградных сортах: «Кто хочет знать их, тот хочет песчинки счесть, что ветер развевает в Ливийской пустыне». И впрямь, сортов винограда насчитывается ни много, ни мало — свыше четырех тысяч!

Золотопольцы культивируют лучшие, избранные сорта: мускат черный, белый, розовый, «алеатико», «педро крымский», «сильванер», «рислинг», «саперави», «алиготе», «кокур», «чауш», «шасла»... И все эти «переселенцы» превосходно чувствуют себя на предгорных просторах.

Я видел уборку урожая в сов-

хозе «Золотое поле». То и дело к плантации приезжали из Феодосии и Евпатории огромные автобусы и грузовики. Они увозили отсюда для санаториев, магазинов, торговых палаток и ресторанов сотни тонн свежего, янтарного винограда.

Особенно оживленно было на третьем отделении. Оно первым начало уборку. Виноградники на этом участке только что стали плодоносить, а уже давали с каждого гектара почти по десяти тонн винограда. Весовщица Люда Безродная еле успевала принимать и взвешивать корзины с тяжелыми дымчатыми гроздьями. Ловко срезали их сборщицы Нина Котова, Лида Чупринская, Алла Дробышева. Бережно укладывали виноградные кисти искусные сортировщицы Анна Григорьевна Шамардина, Валентина Самсонова, Анна Ильинична Дейнека. Размеренно, четко и очень быстро делали свое дело молодые парни — упаковщики.

И стар и млад спешил в эти радостные, полные трудового кипения дни на плантации, чтобы хоть чем-нибудь помочь в сборе обильного урожая. Не усидели дома и шестилетний Вася Глушков и маленькая светловолосая Надя Котова. Но им доверили только дегустацию первых гроздьев винограда, и на лицах ребятишек, с удовольствием уплетавших крупные, светящиеся ягоды, можно было безошибочно прочесть заключение: первый сорт!..

Приехавшая из Евпатории повариха столовой при школе меха-

Сортировка и укладка винограда.

Винный завод. В бочках бродит виноградный сок.

Совхоз отпускает санаториям виноград «чауш» и «шасла».

Заведующая лабораторией винзавода Н. М. Коломеец определяет прозрачность вина.

Главный агроном совхоза Е. И. Баранов (слева) и бригадир А. П. Цапко проверяют качество окулировки абрикосов.

низации Ефимья Семеновна Уманец сетовала на то, что ей отпустили только полторы тонны винограда.

— С удовольствием дали бы вам и больше,— говорил ей старший агроном-виноградарь Василий Филиппович Неверов.— Видите, сколько выросло! Да не успеваем резать...

— Давайте, сама буду резать,— вызвалась повариха...

Несколько раньше в «Золотом поле» уже были сняты и персики. Не один сорт этих нежных розовощеких плодов успешно культивируют золотопольцы: «русский», «кремлевский», «советский пушистый», «выставочный»...

Растут в этом предгорном совхозе и яблоки: «семиренко», «шафран», «розмарин», «кандиль», «кальвиль королевский», «шампанский ренет»... Растут и груши с пышными, подчас смешными названиями: «Мария-Луиза», «Фердинанд», «Франц-мадам»...

Растут в «Золотом поле» и миндаль, и абрикосы, и грецкий орех, и крупноягодные маслины...

А в питомнике, созданном десять лет назад, выводятся с помощью сотрудников Никитского ботанического сада все новые и новые сорта винограда и фруктов. Трудится здесь опытнейший мастер своего дела, шестидесятилетний энтузиаст-бригадир Андрей Петрович Цапко. Еще мальчишкой работал он в фруктовом саду известного табачного фабриканта Стамболи. Тридцатилетний сын старого садовода Андрей Андреевич Цапко тоже работает виноградарем в колхозе «Красный луч», украшая новыми виноградными насаждениями крымскую землю.

Да и весь совхоз, словно родной отец сыновьям, с каждым годом все в большей и большей мере передает соседним хозяйствам свой опыт, делится с ними саженцами, черенками. Только в нынешнем году на землях питомника высажено два миллиона саженцев.

А опыт у «Золотого поля» накопился уже немалый. Чтобы облегчить обработку винограда — этой требовательной, трудоемкой культуры,— его сажают на ровных, как стол, массивах. Закладка плантаций начинается с тщательно продуманной планировки, которая позволяет обрабатывать междурядья во всех направлениях, делать это с помощью специальных машин, причем в разное время года.

С успехом применяют золотопольцы полив виноградников. Они подвели к плантациям канал, по которому направляют талые воды. Шестьдесят гектаров виноградных насаждений уже получили в нынешнем году влагу из канала.

В мастерских совхоза собственными силами изготовлена машина для прокладки борозд. Посадка виноградных чубуков велась вручную. Новаторы золотопольского совхоза задумали механизировать этот процесс.

Все чаще и чаще приезжают сюда со всего Крыма садоводы и виноградари, председатели колхозов, агрономы, чтобы поучиться у передового совхоза.

Но особенную славу приносит «Золотому полю» вино, которое здесь вырабатывают. Крымские вина и вообще-то славятся. Хорошо сказал о них А. М. Горький: «Пил и восхищался... В вине всего больше — солнца. Да здравствуют люди, которые умеют делать вино и через него — вносить солнечную силу в души людей».

В том вине, которое делают люди совхоза «Золотое поле», особенно много солнечной силы. Когда на Феодосийский и Симферопольский винзаводы отправляется вино из «Золотого поля», опытные виноделы дают ему неизменную и единодушную оценку: «Отличное!»

В совхозе вырабатывают чудесный «аликант»— полное, гармоничное вино с шоколадными тонами, темнорубинового и гранатового цвета. Отправленный отсюда на выдержку на Феодосийский винзавод «аликант», по заключению виноделов, «ведет себя прекрасно». Требуется накопить несколько тысяч декалитров вина, выдержать его в течение трех лет, чтобы оно заслужило почетное право на получение своего имени и могло бы называться марочным. Уже не за горами день, когда золотопольский «аликант» завоюет это право. И не придумаешь тогда этой новой марке вина лучшего и достойнейшего имени, чем полнозвучное, поэтическое: «Золотое поле».

Но вина, подобные «аликанту», дают и южнобережные крымские совхозы. И теперь золотопольцы наряду с выработкой этого десертного вина стремятся все больше и больше вырабатывать легкие столовые вина: «рислинг», «сильванер», «алиготе», «семильон». Соки для шампанского, приготовленные в «Золотом поле», удостоились высокой похвалы.

Обо всем этом с увлечением рассказала нам старший винодел «Золотого поля» Валентина Константиновна Бурова. Весной этого года, заочно окончив Крымский сельскохозяйственный институт, она отлично защитила диплом на тему «Направление виноделия виносовхоза «Золотое поле». Из сокровищницы опыта своего совхоза она смогла почерпнуть для дипломной работы немало ценного.

Но если говорить о всех богатствах «Золотого поля», то нельзя не упомянуть и о том, что его виноградные плантации окаймлены уже довольно рослыми лесозащитными полосами, которые тянутся на сорок пять километров и надежно защищают молодые виноградные лозы от набегов ветров и от холода.

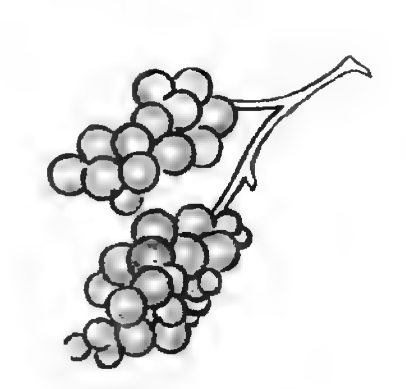
Принято считать, что при правильном уходе за виноградным кустом он может плодоносить восемьдесят, а то и сто лет. Заботливый, ревностный уход за виноградниками, который мы наблюдали в «Золотом поле»,— верная порука тому, что каждый куст сполна проживет здесь этот долгий срок и сторицей воздаст людям за их труды.

...С отрадным, светлым чувством смотришь на бескрайние плантации и роскошные сады «Золотого поля». И живо представляешь себе, как уже в самом недалеком будущем, через три—четыре года, будет выглядеть этот замечательный совхоз. На полторы тысячи гектаров размахнутся его виноградники. Все смелее и шире шагает из предгорий в крымскую степь эта древняя, жизнетворная культура.

— Хорошее дело делаете, товарищи, — вспоминают золотопольцы слова Никиты Сергеевича Хрущева, посетившего не так давно совхоз.— Давайте стране побольше винограда.

Лучшие виноградари Крыма собирают с каждого гектара по двадцать—тридцать тонн ягод. Золотопольцы стараются получать такие же урожаи. Миллионы пудов винограда будет давать ежегодно этот совхоз. В 1960 году, когда плантации его разрастутся до полутора тысяч гектаров, он станет крупнейшим в стране виноградарским хозяйством. Виноград, выращенный в «Золотом поле», вино с маркой «Золотое поле» пойдут отсюда во все концы нашей Родины, полной пригоршней неся советским людям жизненные соки, солнечную силу, здоровье, радость...

Крым, октябрь, 1955.

Леопольдо Мендес. Первый посев.

Д. ШМАРИНОВ,
действительный член Академии художеств СССР

В Москве, в залах Центрального дома работников искусств, состоялась в нынешнем году выставка произведений передовых мексиканских художников, объединенных в «Мастерской народной графики». Впервые мы, советские художники, узнали о деятельности этого замечательного объединения в 1943 году, в разгар войны. После войны Всесоюзное общество культурной связи с заграницей познакомило нас с большим альбомом гравюр, изданным «Мастерской» в 1947 году. Значительная часть произведений, вошедших в этот альбом, и была включена в экспозицию московской выставки.

Нельзя не восхищаться целеустремленностью, содержательностью, активным, боевым характером искусства мексиканских графиков.

Со дня создания «Мастерской народной графики» прошло более 17 лет. За эти годы вокруг нее вырос и сформировался большой коллектив художников, ставящих своей задачей правдивое изображение жизни мексиканского народа, активное участие средствами искусства в борьбе за утверждe-

Адольфо Мехиак. Женщины Чамула.

Артуро Гарсиа Бустос. Сапата. («Что ты сделал для защиты свободы, за которую мы отдавали жизнь?»)

←
Игнасио Агирре. Возвращение поденщика.

ние национальной культуры, за мир и лучшее будущее. Выставка наглядно показывает, что искусство мексиканских художников верно служит этим целям. Сессия Всемирного Совета Мира присудила Международную премию мира руководителю мастерской художнику Леопольдо Мендесу и его товарищам по работе.

Содержанием значительного числа бывших на выставке работ является прошлое Мексики, героические и трагические страницы истории мексиканской революции. Большое место в работах мексиканских графиков занимают произведения, разоблачающие фашизм, империалистическую агрессию, расовое неравенство. В центре — произведения, говорящие о жизни крестьян, рабочих, батраков, их борьбе за хлеб, землю и воду.

Главной чертой, объединяющей различных по творческой индивидуальности художников, является их любовь к простому человеку. Можно сказать, что творчество этих художников сильно своим действенным гуманизмом.

Мексиканская графика имеет ярко выраженный национальный облик: она тяготеет к монументальной обобщенной реалистической форме. При этом она глубоко содержательна и отличается непосредственностью и искренностью чувства. Именно эти черты и делают мексиканскую графику доступной пониманию самых широких народных масс. Недаром ее влияние так ощутимо и в других странах Латинской Америки. И не только Латинской Америки. В мастерских художников ряда стран Европы я видел воспроизведения работ «Мастерской народной графики». За деятельностью коллектива «Мастерской» с пристальным интересом следят передовые художники многих стран мира.

Особенное внимание советских зрителей привлекали многочисленные гравюры Леопольдо Мендеса — талантливого и разностороннего мастера. Его работы — это голос его сердца. Художника влекут сильные, несгибаемые характеры, героические народные образы; именно они являются центром его трагических сюжетов: «Приставлен к стене», «Соединенные несчастьем», «Ограбление индейцев». Тяжелая жизнь крестьянской семьи на безводной, сожженной солнцем земле показана в гравюрах «Жажда», «Бегство», «Первый посев», «Смерть во время родов». Очень смело, новаторски решен большой композиционный портрет великого итальянского композитора Д. Верди, фоном для которого художник избрал сцену боя гарибальдийцев за освобождение своей родины.

Работы молодого мастера Альберто Бельтрана привлекают внимание суровой лапидарностью рисунка, цельностью формы, ясностью пластического замысла. Превосходны его большие плакаты, посвященные борьбе за мир, зовущие к дружбе и сотрудничеству между народами. Очень выразителен его плакат, выпущенный к первому конгрессу сторонников мира в Мексике. Превосходны монументальные образы представителей мексиканского народа на плакате, изданном к национальной конференции в защиту мира, особенно лист, запечатлевший партизанку Мануэлу Санчес.

Своеобразны правдивые литографии художника Пабло О'Хиггинса, одного из основателей «Мастерской»: «Плуг», «Дом в Сан-Балтазаре» и другие. Полны драматизма гравюры Артуро Гарсиа Бустоса: «Беглец», «Сапата». Выделяются и запоминаются гравюры: Адольфо Мехиака «Женщины Чамула», Игнасио Агирре «Возвращение поденщика», Андреа Гомеса «Мать против войны».

С интересом познакомились мы с произведениями Франсиско Мора, Фернандо Кастро Пачеко, Лукса Ареналя, Альфредо Сальсе, Марианы Ямпольски и других художников. Изобразительное искусство наших мексиканских друзей не требует пояснений: в нем ярко встают сама жизнь мексиканского народа, его труд, борьба, достижения. И мы благодарны художникам за то, что они помогли нам, советским людям, еще больше узнать и полюбить трудолюбивый и гордый народ Мексики, страны древней культуры.

Андреа Гомес. Мать против войны.

Альберто Бельтран. Мануэла Санчес.

Пабло О'Хиггинс. Плуг

Л. БОРОДИНА,
мастер спорта

— Прыгает Виноградова!

Галина подошла к отметке, с которой начинала разбег, привычным движением поднялась на носки (по этой своеобразной манере ее сразу можно узнать) и с одной мыслью: «Только бы не заступить!» — устремилась вперед. А зрители, собравшиеся на московском стадионе «Динамо» на матч легкоатлетов Англии и Советского Союза, видели, как тоненькая, легкая спортсменка стремительно подбежала к планке, энергично оттолкнулась и... приземлилась у флажка, которым был отмечен мировой рекорд.

Галина Виноградова не знала, хорош или плох ее прыжок. Ей казалось, что она может прыгнуть гораздо лучше, но, выскочив из ямы с песком и подбежав к судьям, она вдруг радостно, совсем по-ребячьи, подпрыгнула и захлопала в ладоши. На щите, где вывешивались результаты, появилась цифра «6.24».

Спортсменка с копной пышных темных волос успела завоевать всеобщую симпатию еще час назад, когда выиграла бег на 100 метров. Теперь она и прыгала дальше всех.

6 метров 24 сантиметра! Это всего на 4 сантиметра хуже мирового рекорда, установленного чемпионкой XV олимпийских игр новозеландкой Иветой Вильямс. В этом году никому, даже самой обладательнице рекорда, не удавалось приблизиться к столь высокому результату, никому, кроме Галины Виноградовой.

Она обратила на себя внимание еще на вторых международных играх молодежи в Варшаве. Там вместе с нею прыгала чемпионка XIV олимпийских игр венгерская спортсменка Дьярмати и другие сильнейшие прыгуньи Европы. В тот день лучший результат победительницы соревнований Галины Виноградовой, равный 6 метрам 27 сантиметрам, стал новым рекордом Советского Союза и Европы.

С чего же начать рассказ о Галине? Обычно о человеке судят по его характеру. Галя говорит о себе: «Я такая неустойчивая и несерьезная, просто ужас! Совершенно не переношу однообразия мне сразу все надоедает!»

В детстве Галя занималась балетом. «Почему бросила? Кажется, из-за мамы: она считала, что это может повредить моему здоровью. Я и правда была тогда хрупкая, худенькая — какой-то заморыш!» — вспоминает Галина.

Уроки физкультуры она не любила. Придет к школьному врачу, потрогает бок (у нее часто болела печень), скажет, «колет», и врач, сочувственно взглянув на бледную, болезненную девочку, тут же пишет: «Освобождена от занятий физкультурой». Зато на переменах Галя бегала с мальчишками вовсю, и редко кто из одноклассников мог за ней угнаться.

Она увлекалась всем: книгами, театром, музыкой. И только одно совершенно не интересовало Галину — спорт.

Как-то весной — Галя заканчивала тогда 10-й класс — подруги затащили ее на стадион. К футболу она отнеслась безразлично. А когда в перерыве между таймами на беговую дорожку выбежали легкоатлеты, она даже рассмеялась: «Что это они? Бегают, как сумасшедшие! Кому интересно на них смотреть?»

Окончив школу, девушка долго колебалась, в какой институт идти. В ее аттестате зрелости стояли почти одни пятерки. Учителя считали, что у нее большие математические способности. Все советовали ей поступать в технический вуз. Она и сама больше всего любила математику, но... Было одно «но». У Гали не хватало терпения выполнять даже простенькие школьные задания по черчению, и уж никак она не могла представить себя сидящей за чертежной доской. И неожиданно для всех и для себя она поступила в медицинский институт... Так же неожиданно в ее жизнь вошел спорт. Как это случилось, в нескольких словах рассказать трудно. Это целая история. Во всяком случае, очень большую роль здесь сыграли преподаватель кафедры физического воспитания мастер спорта Михаил Федорович Кузнецов, заместитель секретаря комитета комсомола Борис Семенов и, конечно, институтские спортсмены.

Галя не могла и представить себе, что спорт сможет так изменить ее жизнь. Ведь когда она по-настоящему увлеклась тренировками — это случилось в 1952 году,— ей исполнилось уже 20 лет, и девушке казалось, что она вполне сформировавшийся человек.

Словно боясь, что она поздно начала заниматься спортом и не успеет раскрыть всю себя, Галина тренировалась самозабвенно. Конечно, не всегда все шло гладко. Бывали и срывы. Иногда ей казалось, что с ее физическими данными (рост — 162 сантиметра, вес — 52 килограмма) она ничего в спорте не добьется. Тогда на помощь приходил тренер, и неуверенность пропадала.

Представляете вы себе, что значит в течение двух, а иногда и трех часов бегать, прыгать, выполнять специальные упражнения? И так три — четыре раза в неделю! Это очень трудно. Но, пожалуй, еще труднее было тренеру. Кузнецов знал, что если он не сможет разнообразить тренировки, Галине скоро все надоест. И он старался каждый раз придумывать какие-то новые упражнения. Нередко ему приходилось хитрить, незаметно давая ученице большие нагрузки.

...Осенью прошлого года Виноградова вышла замуж и переехала из Москвы в Ленинград. Новый тренер, Д. П. Ионов, увидел в Галине уже не взбалмошную девчонку, а волевую, трудолюбивую спортсменку.

Она действительно тренировалась, не жалея сил. Тренировки стали для нее потребностью. Они изменили ее характер. Галя полюбила спорт. Вот почему те, кто хорошо знал Виноградову, не удивлялись быстрому росту ее результатов.

...Но вернемся на московский стадион «Динамо», где продолжаются соревнования. Попрежнему лучшие прыжки у советской спортсменки. Она поражает всех стабильностью своих высоких результатов: 6.22, 6.24, снова 6.24! Удалось ли наконец Галине Виноградовой побить в этот день мировой рекорд? Нет, не удалось: она прыгнула на 6 метров 28 сантиметров, повторив мировой рекорд новозеландской спортсменки.

Прыжки закончены. Галя не успевает отвечать на поздравления.

— Как обидно! Еще бы один сантиметр — и ты первая в мире! — сочувствуют друзья.

Она в ответ смеется:

— Думаете, я огорчена? Нисколько. Я себя знаю. Побила бы мировой и сразу бы успокоилась, а так у меня осталась цель.

НА ЖЕНСКОМ ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ

Заметки наблюдателя

До последних туров чаще всего можно было слышать о Э. Келлер-Герман как о наиболее вероятной победительнице соревнования. Действительно, немецкая шахматистка играет хорошо, и она неоднократно лидировала.

Когда я шел в Концертный зал ЦДСА на 12-й тур, то на улице встретил Э. Келлер-Герман с своим секундантом Л. Германом. «Так быстро?!» — спросил я. «Да, уже все кончено», — ответила немецкая шахматистка. Разумелось, что Э. Келлер одержала очередную победу. Однако велико было мое удивление, когда на демонстрационной доске я увидел табличку: «Черные (то есть Е. Кертес) выиграли». Уже на 23-м ходу чемпионка Венгрии одержала важную победу, которая вместе с тем означала и первое поражение лидера турнира Э. Келлер-Герман.

Чемпионка Венгрии играет в шахматы всего четыре года. В первой половине турнира Е. Кертес выступала неуверенно, слишком вежливо относилась к известным именам. Ободренная победой над Э. Келлер-Герман, она выиграла в дальнейшем еще две партии. А немецкая шахматистка потерпела затем еще одно поражение — от М. Лазаревич (Югославия), которая, в свою очередь, проиграла голландке Ф. Хеемскерк. В результате лидерство перешло к советским шахматисткам.

Третья шахматная неделя в ЦДСА ознаменовалась наступлением чемпионки Советского Союза Л. Вольперт и советских мастеров В. Борисенко, О. Рубцовой и К. Зворыкиной.

Не проигравшая ни одной партии Л. Вольперт играет великолепно и после 15-го тура — на первом месте. Несомненно, что она постарается не проиграть ни одной партии и в последних четырех турах.

На пол-очка отстает от лидера В. Борисенко. «Разыгралась» О. Рубцова. Она победила Р. Суха, всех трех американок, а затем в острой схватке и М. Лазаревич. Пять побед подряд! Этому примеру последовала и К. Зворыкина. Между этим квартетом советских шахматисток и немкой Э. Келлер-Герман и идет борьба за первое место в турнире.

С. Граф-Стивенсон теперь говорит, что ей, «чтобы войти в хорошую спортивную форму, нужно хотя бы год прожить в СССР».

В шахматном мире известен случай, когда А. Алехин сильнейшей атакой разгромил X. Капабланку в день его 50-летия. Таких случаев, когда шахматисты портили себе праздничное настроение проигрышем партии в день своего рождения, было немало. Но вот «исключение»: в ЦДСА чехословацкая шахматистка Р. Суха отметила свой день рождения первой победой в турнире — она выиграла у О. Игнатьевой, которая лишний раз подчеркнула гостеприимство москвичей. Теперь только Б. Караско де Будинич из Чили пока еще не знает радости побед. Но то, что ей также хочется победить, свидетельствует ее партия с Л. Вольперт, в которой чилийская шахматистка три раза отклоняла предложенную лидером турнира ничью, а затем нашла... путь к проигрышу.

В последних четырех турах решается, видимо, не вопрос о том, представительница какой страны победит,— это как будто ясно. Вопрос стоит так: будет это москвичка, ленинградка или минчанка?

Сало ФЛОР

ФРАНЦИЯ 2 — СССР 2

Впервые в своей истории встретились на футбольном поле две национальные сборные команды — Франции и СССР. Ни та, ни другая не имели в этом сезоне ни одного поражения, и это обстоятельство придавало матчу еще больший спортивный интерес.

Как же прошло состязание французских и советских футболистов? Об этом красноречиво говорят публикуемые нами фотографии. С первой до девяностой минуты состязание было пронизано острой спортивной борьбой, духом симпатии и дружбы.

Капитан команды СССР Игорь Нетто преподнес в этот день вопреки установившейся традиции не один, а два букета: первый — капитану французской команды Роже Маршу, второй — «капитану» французского кино Жерару Филипу.

Как известно, борьба, развернувшаяся на поле, не обманула ожиданий не только советских, но и зарубежных болельщиков, и в первую очередь болельщиков, приехавших на матч из Франции. Сборная команда Франции показала поистине высокий класс игры. Вот герой матча — центр нападения французской команды Раймонд Копа. Это он открыл счет, забив первый гол в ворота сборной команды СССР.

Так реагировали на удачу Копа французские болельщики. Они чувствовали себя на трибуне московского стадиона «Динамо» как дома.

Когда радиодиктор объявил, что, по просьбе команды Франции, первый удар по мячу сделает наш гость, известный киноактер Жерар Филип, московский стадион разразился аплодисментами. В лице Жерара Филипа москвичи приветствовали талантливый народ Франции, ее высокое искусство.

Особенно понравился московским зрителям вратарь сборной Франции Франсуа Ременттер. Вы видите на этом снимке блестящий бросок Ременттера. Слева направо: А. Ильин, Н. Симонян и французский защитник Герцес Луи.

Однако точная игра французской защиты все же не помешала советским нападающим сперва отквитать гол, а затем забить еще один мяч. Счет 2 : 1 держался сравнительно долго, но одна из атак французских нападающих все же завершилась точным ударом. Со счетом 2 : 2 команды покинули арену борьбы.

И вот еще два снимка, сделанные нашими фотокорреспондентами после окончания игры, в раздевалке. Борис Разинский преподносит Франсуа Ременттеру свою вратарскую рубашку.

Ременттер увез с собой во Францию эту рубашку с четырьмя буквами на груди — СССР.

Фото А. Бочинина,
Я. Рюмкина,
Е. Умнова.

Веселый Будапешт

Борис ЛАСКИН,
Владимир ПОЛЯКОВ

Недавно, в один из воскресных дней, нам довелось побывать в «Видам-парке» — одном из любимых мест отдыха жителей венгерской столицы. Слово «видам» означает «веселый». И в самом деле, в парке по-настоящему весело. Постоянный и неизменный посетитель этого парка — смех. Он слышится везде и всюду: и на «Чудесном колесе», и на «Водной карусели», и на крутых поворотах «Американских гор», и на лодках, низвергающихся с головокружительной высоты в пруд, и за стенами ходящего ходуном «Волшебного дома».

Вы входите в лежащую трубу, превышающую своим диаметром человеческий рост, труба вращается вокруг своей оси, и десятки зрителей, уже побывавших в трубе, дружным хохотом провожают вас на всем протяжении вашего сложного и веселого маршрута. Среди многочисленных аттракционов парка большим успехом пользуется так называемый «Диванчик». В просторной комнате, у самой стены, стоит обыкновенный с виду диванчик, а над ним надпись: «Сядьте и вытяните ноги!»

Умудренный опытом посетитель, понимая, что от этого диванчика ничего хорошего ждать не приходится, с некоторой опаской садится на него, зажмурившись, вытягивает ноги. И тут с ним происходит то, что вызывает у окружающих бурное веселье.

Что же с ним происходит? С ним ровно ничего не происходит. Он сидит, вытянув ноги, и очень скоро начинает понимать, что его разыграли, что это действительно самый обыкновенный диванчик. И посетитель сперва смущенно улыбается, а потом смеется: он ждет, сейчас войдет новый посетитель и с теми же предосторожностями усядется на этот диванчик.

Мы подробно рассказали об этом «аттракционе» потому, что здесь, как нам кажется, проявилась одна из приятнейших венгерских национальных черт — большая любовь к юмору, к шутке.

Кабош Ласло исполняет сатирический монолог.

Чувство юмора, которым щедро наделены венгры, является верным признаком душевного здоровья свободного народа, строящего новую жизнь, уверенного в своем завтрашнем дне.

Строя новое, всегда приходится бороться со всем старым, обветшалым, мешающим движению вперед. И здесь строители новой жизни применяют испытанное и любимое оружие — сатиру и юмор.

Огонь сатиры обрушивается на пережитки капитализма в сознании людей, на бюрократизм, мещанство, обывательщину, на лень и косность, на индивидуализм и зазнайство...

Писатели-сатирики и писатели-юмористы Венгрии, артисты и художники объединились в этой борьбе, а нужность и успех их работы подтверждают огромный тираж сатирического журнала-газеты «Лудаш Мати», смех и аплодисменты зрителей в переполненных залах веселых будапештских театров.

Зайдем в маленький уютный театр «Видам синпад» («Веселая сцена»).

Авторы и артисты этого популярного в Будапеште театра показывают сегодня свою очередную программу: «Легкие пештские обиды».

С первого же появления на просцениуме конферансье писателя Кяллир Дэжё в театре возникает атмосфера дружеского взаимопонимания. И это естественно. То, что говорит превосходный конферансье, и то, что играют артисты,— все явно отвечает интересам зала.

Кяллир Дэжё рассказывает: к сожалению, не все еще понимают, как важно серьезное отношение к работе. Бывает так, что люди в служебное время не работают, а «играют». Мы хотим придать этим неорганизованным играм некую стройность, шутит он, и потому предлагаем создать в отдельных учреждениях комнаты игр для взрослых по типу детских комнат.

Писатель-юморист и конферансье Кяллир Дэжё.

Поднимается занавес, и мы видим взрослых людей в детских костюмчиках среди кубиков, лошадок, автомобильчиков. Выясняется, что из этих кубиков строится рабочий план учреждения, что мячик — это деловой вопрос, решение которого один перекидывает другому. А когда кто-то из «детей» уезжает на автомобильчике, в зале смеются не только над этим трюком, а и над тем, что под видом служебной поездки директор учреждения отправился на государственной машине развлекаться на озеро Балатон.

Афиша театра «Видам синпад».

Так театр средствами своего жанра борется за укрепление трудовой дисциплины.

Нэмет Марика в роли Сильвы.

Артистка Микеш Лилла читает фельетон.

А вот еще короткая сценка. Заседание. По лицам заседающих видно, что они пребывают в этом полудремотном состоянии уже долгие часы. Пожилая женщина поднимает руку и говорит, что она вынуждена уйти, так как ее ждут дети. Сразу же после ее ухода поднимается с места и молча направляется к двери другая — молодая девушка. На возмущенную реплику председателя: «А вы куда? У вас же нет детей...» — девушка под хохот зрительного зала отвечает с порога: «Если я столько времени буду проводить на заседаниях, у меня их и не будет!»

Так театр борется с «прозаседавшимися».

Мы не станем пересказывать всю программу. Она обширна и разнообразна. Выступление фельетонистки Микеш Лиллы, с успехом читающей произведения советских сатириков, сменяется номером великолепных мастеров пантомимы — артистов Альфонзо и Халмаи Имре, мастерски пародирующих современные фильмы. После монолога талантливого комика Кабоша Ласло идет миниатюра о нравах некой буржуазной страны. Грабитель обобрал адвоката, а потом, нуждаясь в его защите по прошлому делу, отдает адвокату в виде гонорара не только похищенные у него вещи, но и все свое имущество, включая даже пистолет.

В театре «Видам синпад» много талантливых актеров, и среди них такие мастера комедийного жанра, как Фейеш Тэри, Тураи Ида, Шаламон Бела, Герцег Енё, Комлёш Вилмош, и одаренные режиссеры Мезеи Ева, Гал Петер и другие.

Будапештцы очень любят свою оперетту. Об этом свидетельствуют ежевечерние аншлаги и радостное, приподнятое настроение, царящее в большом и нарядном зале театра, где с равным успехом идут произведения венгерских и советских композиторов.

В этом театре мы видели «Сильву». Она называется здесь «Королева чардаша».

Мы увидели новую остроумную пьесу, услышали замечательный оркестр и хороших певцов. Нас обрадовали яркие декорации, но больше всего обрадовал нас дух увлеченности и творческой взволнованности, которым пронизан весь спектакль. Мы разделили восторг зрителей, встретивших бурей аплодисментов знаменитую актрису Хонти Ханну, с комедийным блеском игравшую роль Цецилии, и вместе со зрительным залом радовались большому успеху молодежи. Обаятельна и очень музыкальна Нэмет Марика — Сильва, очень хороша в роли Стаси Генеш Магда. Молодые по возрасту, они играли молодых, и это показалось нам примером, достойным подражания.

Встретившись по окончании спектакля с его участниками, мы поделились с ними своими впечатлениями и выразили желание повидать старичка-комика, гомерически смешно сыгравшего роль герцога. Тогда молодой актер, которого мы об этом просили, улыбнулся и скромно сказал:

— Извините, это я. Меня зовут Чакани Ласло.

Мы от души поздравили его с успехом и сказали, что были бы очень рады пожать руку изобретательному и талантливому постановщику спектакля...

— Нашему маститому Синетару Миклошу? — все так же улыбаясь, спросил Чакани.

Признаемся, в эту секунду мы почувствовали себя в положении посетителя «Видам-парка», садящегося на диванчик. «Что-то произойдет?» — подумали мы. И не ошиблись.

Навстречу нам поднялся маститый Синетар Миклош — застенчивый двадцатитрехлетний юноша, окончивший два года назад театральное училище и успешно поставивший за это время «Фра-Дьяволо» в оперном театре, «Виндзорских проказниц» в драматическом театре и пять оперетт, в том числе две оперетты советских композиторов. И это также показалось нам примером, достойным подражания.

Мы провели интересный вечер в будапештском Театре кукол. В кабинете директора мы увидели на стене портрет Сергея Образцова, а в книге гостей прочитали его теплые слова, адресованные артистам, художникам, режиссерам.

Драматурги Дарваш Силард и Гадор Бела написали для Театра кукол новую пьесу «Влюбленные боги» на сюжет оперетты Зуппе «Прекрасная Галатея». История Пигмалиона, влюбившегося в созданную им статую, обрела подлинно сатирическое звучание. Тонкий юмор, ирония, которыми пронизаны сцены «совещания богов», забавные диалоги Зевса и Галатеи, Геры и Бахуса, в которых высмеиваются чинопочитание, стяжательство, мещанство, вызывают в зале единодушное веселое одобрение.

С высоким мастерством и настоящим юмором сделаны сцены превращения пьяницы Бахуса в соловья, спуск Зевса на землю с помощью зонтика, когда мимо него проплывает Сатурн, проносятся кометы с огненными хвостами. Зрители смеются, слушая, как современный Зевс, указывая на кометы, недовольно ворчит: «Безобразие! Летают с открытыми глушителями...»

Режиссер спектакля Апати Имре, художник Сюр-Сабо Йожеф, скульптор Броди Вера, талантливый актерский коллектив театра завоевали прочные симпатии будапештцев.

Прощаясь с нами после спектакля, писатель Дарваш сказал: «Я очень люблю Чехова. И особенно его пьесу «Три сестры». Спросите меня, почему?» Мы спросили, и Дарваш ответил: «Потому, что в этой пьесе есть прекрасная, близкая всем нам фраза: «В Москву, в Москву, в Москву!»

Мы возвращались из театра в гостиницу по ночным улицам Будапешта. Светились огни витрин, из полуоткрытых дверей ресторана неслись звуки чардаша, медленно шли пары в той стадии влюбленности, когда улыбка заменяет слова...

Мы шли, вспоминали слова Дарваша и думали о том, сколько раз слышали мы здесь, в Венгрии, родное слово — Москва.

О Москве расспрашивали нас студенты города Эгера, рабочие будапештской судоверфи, служащие в городе Секешфехервар, писатели, артисты, художники. Все они мечтают побывать в Москве, все они передавали Москве привет, и все они говорили о Москве тепло и сердечно, как говорят о большом и добром друге.

Артист Альфонзо в пантомиме «Вкусная горячая кукуруза».

Галатея и Зевс, превратившийся в быка.

Бахус в спектакле кукольного театра «Влюбленные боги».

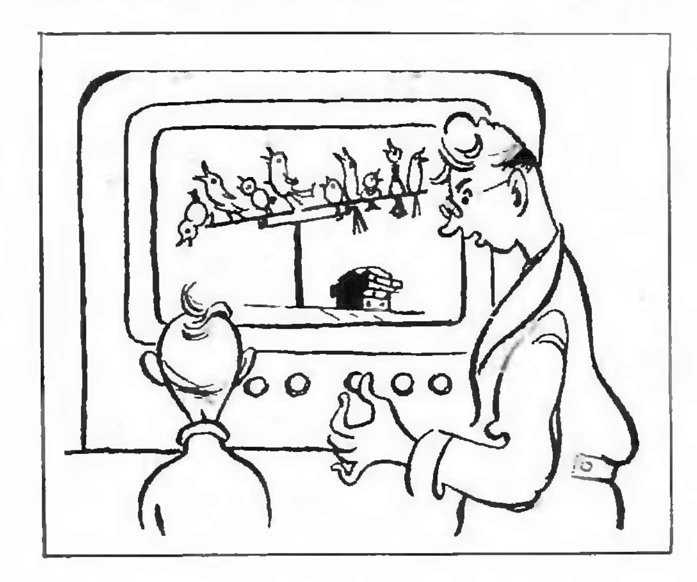
О больших и маленьких

— Прощай до будущего года!
Рисунок Ю. Узбякова.

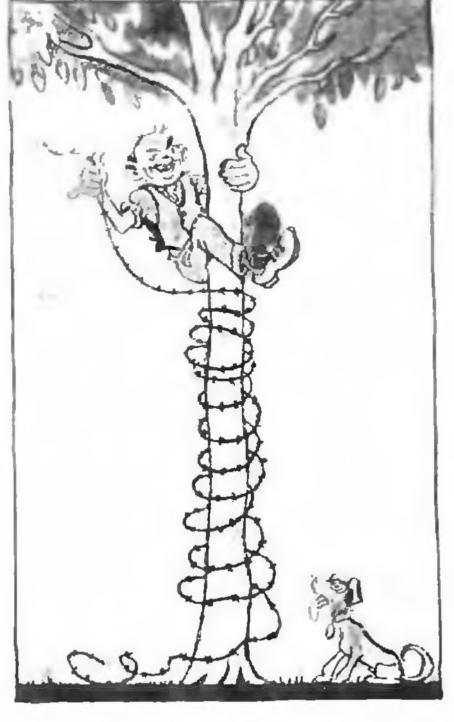
«Отличный клев».
Рисунок В. Тихановича.

Изошутка Ю. Федорова.

Переутомился.
Изошутка А. Зубова.

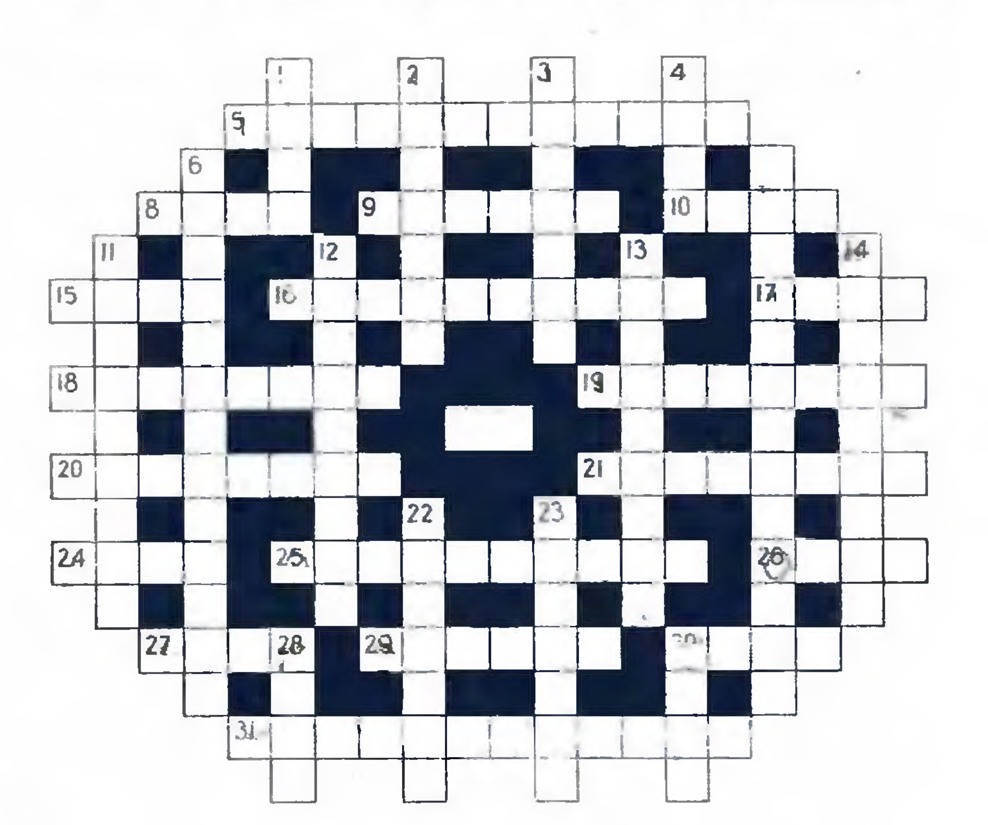

— Ну теперь-то уж мой Димка не будет на дерево лазить!..
Рисунок Л. Самойлова.

— Ох, правильно говорят, что неудобно давать прикуривать ребенку...
Рисунок Е. Гурова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Столица союзной республики. 8. Расплавленная минеральная масса. 9. Загадка. 10. Чешский живописец и график. 15. Возлюбленный в народной поэзии. 16. Искусственное орошение. 17. Буксирное судно. 18. Порт в Греции. 19. Автомашина. 20. Испанский танец-песня. 21. Рыбка, живущая в аквариумах. 24. Водное пространство. 25. Выдержка при фотографировании. 26. Оптический прибор. 27. Спортивная площадка. 29. Лирическое стихотворение. 30. Ветер. 31. Художник-сатирик.

По вертикали:

1. Звезда. 2. Значок на форменной фуражке. 3. Прямоугольник. 4. Приток Ветлуги. 6. Отрасль пищевой промышленности. 7. Раздел медицины. 11. Персонаж «Педагогической поэмы» Макаренко. 12. Внесение дополнительного удобрения. 13. Асбестовый цемент. 14. Спортивное состязание. 22. Крепежная деталь машин, механизмов. 23. Наименьшая величина. 28. Дерево из семейства березовых. 30. Женское украшение.

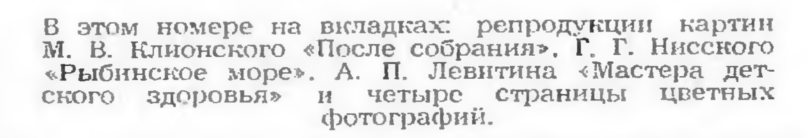
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:

2. Кипарис. 8. «Кобзарь». 9. Гамалея. 10. Сообразительность. 11. Бункер. 14. Стрела. 16. Берлиоз. 17. Территория. 18. Содержание. 21. Доверие. 23. Ателье. 24. Англия. 27. Самостоятельность. 28. Восторг. 29. Бретань. 30. Обелиск.

По вертикали:

1. Магистраль. 2. Корсак. 3. Статья. 4. Полотно. 5. Изобретательность. 6. Самоотверженность. 7. Центнер. 11. Беседка. 12. Геликон. 13. Боровик. 15. Амфибия. 19. Мелитополь. 20. Секатор. 22. Платина. 25. Сторно. 26. Вьюрок.

В этом номере на вкладках: репродукции картин М. В. Клионского «После собрания», Г. Г. Нисского «Рыбинское море», А. П. Левитина «Мастера детского здоровья» и четыре страницы цветных фотографий.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Подписка на журнал «Огонек» на 1956 год и на приложения к нему производится местными отделениями «Союзпечати» и почтовыми отделениями.

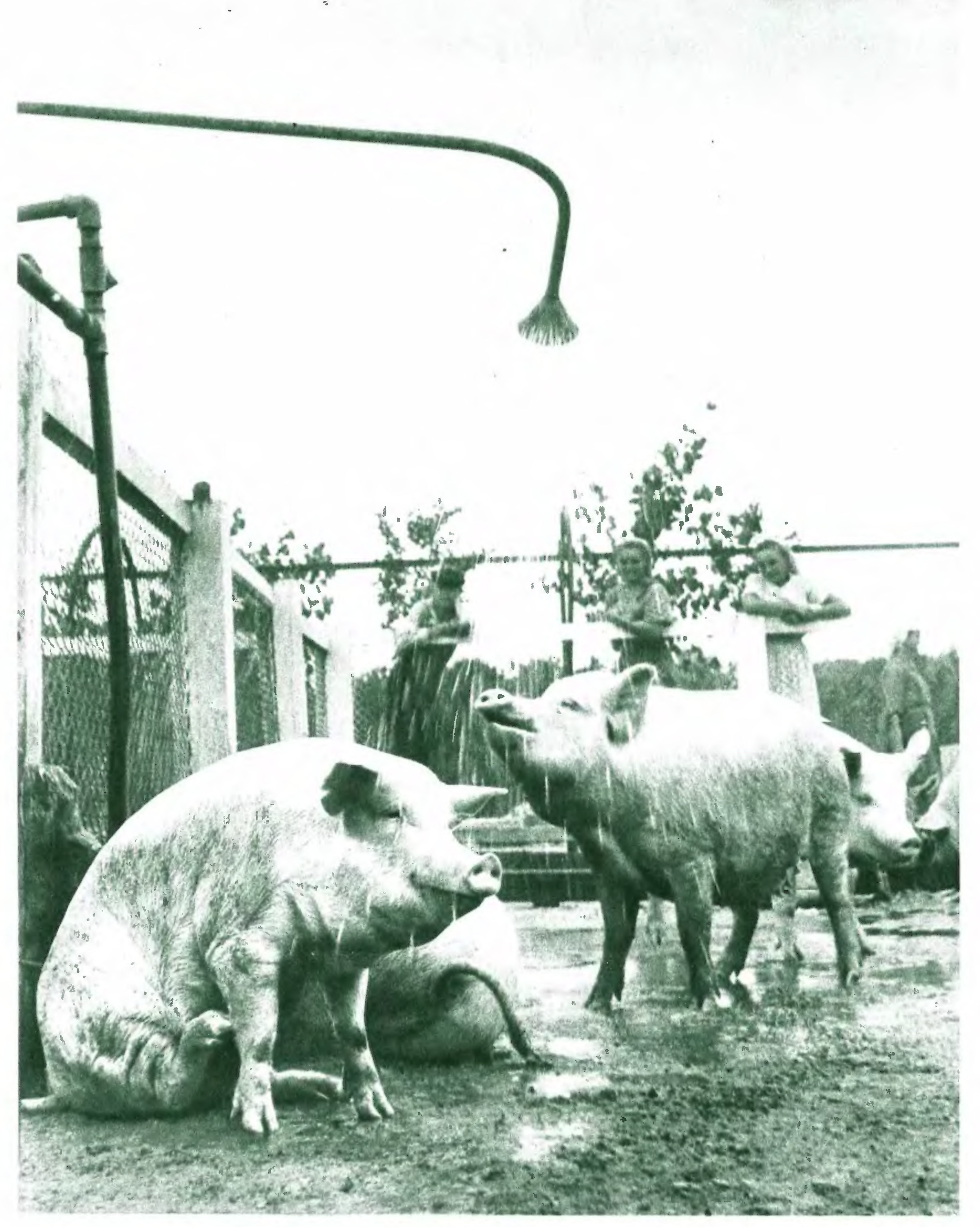
Редакция «Огонька» и издательство «Правды» подписки не производят.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 05632. Подп. к печ. 26/X 1955 г. Формат бум. 70×108¼. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 850.000. Изд. № 868. Заказ № 2716. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На свиноферме колхоза имени Сталина, Ставропольского края. Утренний душ.

Фото Б. Кузьмина.

Цена номера 3 руб.